

МИНИСТЕРСТВО ОБЩЕГО И ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
НОВОСИБИРСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ
УНИВЕРСИТЕТ

В. А. ЗВЕРЕВ

**РЕГИОНАЛЬНЫЕ УСЛОВИЯ ВОСПРОИЗВОДСТВА
КРЕСТЬЯНСКИХ ПОКОЛЕНИЙ В СИБИРИ
(1861–1917 гг.)**

Учебное пособие

НОВОСИБИРСК 1998

ББК 63

УДК 947.1/.9

Авт. знак 3-433

Зверев В. А. Региональные условия воспроизводства крестьянских поколений в Сибири (1861–1917 гг.): Учебное пособие. Новосибирск: Изд. НГПУ, 1998. 119 с.

ISBN 5-85921-108-2

В пособии к спецкурсу по отечественной истории дается количественный и содержательный анализ объективных факторов как физического, так и социокультурного возобновления русского сельского населения Сибири второй половины XIX – начала XX вв. Прослеживается влияние природно-географической, социальной и информационной среды на демографическое, воспитательное и образовательное поведение крестьянства в эпоху начала перехода от традиционного к современному образу жизни.

Пособие предназначено студентам исторического факультета. Оно заинтересует также исследователей-специалистов по истории крестьянства России, истории педагогики, исторической демографии и этнологии, а также педагогов-практиков.

Работа выполнена при поддержке Российского гуманитарного научного фонда (грант № 95-06-17630)

Научный редактор – д-р ист. наук, проф. *Е. И. Соловьёва*

Рецензенты – д-р ист. наук, проф. *С. А. Пайчадзе* (ГПНТБ СО РАН);
кафедра отечественной истории НГПУ.

© Изд-во Новосибирского государственного педагогического университета

© Зверев В. А., 1998

ISBN 5-85921-108-2

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ. «Посеянное взойдет...»

Глава 1. ПРИРОДНЫЕ И ГЕОГРАФИЧЕСКИЕ УСЛОВИЯ ВОСПРОИЗВОДСТВА
КРЕСТЬЯНСКОГО НАСЕЛЕНИЯ СИБИРИ

Глава 2. СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ УСЛОВИЯ

2.1. Физическое воспроизводство населения

2.2. Социокультурное возобновление поколений

Глава 3. ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ ФАКТОРЫ

Глава 4. ПРАВОВЫЕ И ПОЛИТИЧЕСКИЕ УСЛОВИЯ

4.1. Физическое воспроизводство населения

4.2. Социокультурное возобновление поколений

Глава 5. КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЕ ФАКТОРЫ

5.1. Физическое воспроизводство населения

5.2. Социокультурное возобновление поколений

Глава 6. ИНФОРМАЦИОННЫЕ УСЛОВИЯ

ЗАКЛЮЧЕНИЕ. «Не унижать и не до небес возвышать...»

ТЕМЫ КУРСОВЫХ И ДИПЛОМНЫХ СОЧИНЕНИЙ СТУДЕНТОВ

ВОПРОСЫ И ЗАДАНИЯ ДЛЯ САМОСТОЯТЕЛЬНОЙ РАБОТЫ

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

Замечательным людям, ученым и педагогам –
Екатерине Ивановне Соловьевой, Евгению Александровичу Васильеву,
Леониду Михайловичу Горюшкину, Владимиру Петровичу Тыщенко,
всем моим учителям и наставникам
посвящается с сердечной благодарностью

ВВЕДЕНИЕ. «Посеянное взойдет...»

Настоящее пособие посвящено исторической теме, которая нам представляется весьма актуальной в общественном и научном плане. В течение нескольких последних лет в России имеет место депопуляция – сокращение общей численности населения за счет превышения смертности над рождаемостью. В демографической сфере накопилось множество и иных проблем: преобладание одно- и двухдетных («косых», по выражению А. С. Макаренко, неспособных к полному возобновлению родительского поколения) семей, слабое здоровье и низкая продолжительность жизни россиян, ослабление народонаселенческого потенциала восточных и северных регионов и т. д. Кризисное положение характерно также и для сферы социокультурного возобновления поколений. Об этом свидетельствуют, в частности, распространение подростковой криминальности, ориентация значительной части молодых людей отнюдь не на лучшие культурные ценности и образцы, оппозиционность многих пожилых по отношению к прогрессивным общественным инновациям. Такое положение во многом объясняется экономическими, правовыми, ментальными условиями перехода российского социума из одного системного состояния в другое, оно не может продолжаться слишком долго.

Общество ищет выход из создавшегося положения в русле эволюционной оптимизации объективных и субъективных условий физического и социокультурного воспроизводства населения. Ищет, – и часто обращает взгляд в прошлое, старается обратиться к себе на службу богатый опыт дедов и прадедов, более или менее успешно решавших проблему преемственности поколений как в условиях традиционного общества, так и на заре социальной модернизации.

В научно-историческом плане проблема воспроизводства поколения россиян представляется нам столь же продуктивной для рассмотрения, сколь и слабоизученной. Имеются исследования по исторической демографии, характеризующие традиционный тип рождаемости и смертности, воспроизводства населения в целом, а также тот переход от традиционного к современному (модернизированному) типу воспроизводства, который

получил название «демографического перехода» либо «демографической революции». В работах А. Г. Вишневого, Б. Н. Миронова и их коллег установлено, что последняя началась в России во второй половине XIX – начале XX вв.¹ В исторической этнологии в русле подхода, заложенного еще в 1920-е гг. Г. С. Виноградовым, идет изучение традиционной русской народной соционормативной и педагогической культуры, способов ее межпоколенной трансляции (работы Т. А. Бернштам, М. М. Громыко, М. Н. Мельникова, Н. А. Миненко и др.)².

В книгах и статьях автора настоящего пособия реализуется комплексный междисциплинарный (на стыке истории, демографии, этнологии и педагогики) подход к изучению воспроизводства поколений русского крестьянства в Сибири досоветского периода. В связи с общей проблемой перехода от традиционного к модернизированному обществу выявляются те формы социального поведения крестьянства (брачное, репродуктивное, жизнесохранительное и миграционное поведение, способы воспитания и образования молодежи, противодействия антисоциальному поведению ее отдельных групп), результатом которых являлось физическое и социокультурное возобновление сельского населения³.

Разумеется, в названных и иных трудах рассматриваются не только формы и результаты воспроизводственного процесса, но и его условия, факторы. Однако зачастую это делается слишком в общих чертах, без детальной конкретно-исторической и региональной конкретизации. Отсутствует совмещенная картина детерминированности как демографических, так и социокультурных элементов воспроизводства. В этнологических исследованиях слабо прописана историческая динамика, не выявлена судьба традиционной культуры в условиях начавшейся на рубеже XIX–XX вв. модернизации общества, включавшей процессы индустриализации, урбанизации, либерализации, демографического перехода, секуляризации общественного сознания.

¹ См.: Вишневский А. Г. Воспроизводство населения и общество: история, современность, взгляд в будущее. М., 1982; Воспроизводство населения СССР / Под ред. А. Г. Вишневого, А. Г. Волкова. М., 1983; Традиционное демографическое поведение крестьян в XIX – начале XX вв. // Брачность, рождаемость, смертность в России и в СССР. М., 1977. С. 83–104; Он же. Семья: Нужно ли оглядываться в прошлое? // В человеческом измерении. М., 1989. С. 226–246.

² См.: Бернштам Т. А. Молодежь в обрядовой жизни русской общины XIX – начала XX вв. Л., 1988; Громыко М. М. Традиционные нормы поведения и формы общения русских крестьян XIX в. М., 1986; Мельников М. Н. Русский детский фольклор Сибири. Новосибирск, 1970; Миненко Н. А. Культура русских крестьян Зауралья, XVIII – первая половина XIX вв. М., 1991; и др.

³ См.: Зверев В. А. Брачный возраст и количество детей у русских крестьян Сибири во второй половине XIX – начале XX вв. // Культурно-бытовые процессы у русских Сибири (XVIII – начало XX вв.). Новосибирск, 1985. С. 73–88; Он же. Крестьянское население Сибири в эпоху капитализма. Новосибирск, 1988; Он же. Дети – отцам замена: Воспроизводство сельского населения Сибири (1861–1917 гг.). Новосибирск, 1993; Красен человек ученьем: Материалы о воспитании и образовании детей в селениях Сибири (конец XIX – начало XX вв.) / Сост., предисл., примеч. К. Е.

Настоящее учебное пособие призвано восполнить указанные пробелы. **Нашей целью** является конкретно-исторический анализ тех объективных условий (факторов), что формировали физиологический, демографический и социокультурный облик молодых поколений крестьянства. Эти условия действовали иногда непосредственно (так, природные катаклизмы уносили жизнь людей), но чаще их влияние преломлялось через систему ментальных представлений, культурных установок, психологической настроенности, т. е. через индивидуальную и групповую человеческую субъективность. Сами по себе субъективные факторы воспроизводства населения в данном пособии не рассматриваются, их выяснение может стать задачей дальнейшей работы над темой учебного пособия. В том числе – исследовательской работы нынешних студентов – слушателей спецкурса, для которых в первую очередь предназначено это пособие.

Объектом изучения в спецкурсе является русское крестьянское и казачье сельское население Сибири. Оно имело в изучаемое время ряд общих социальных характеристик. С позиций весьма влиятельного в современной социологии «крестьяноведческого» подхода основные из этих характеристик: наличие семейного двора, сельскохозяйственного производства, деревенской общинной организации, особой культуры и ментальности, зависимое положение по отношению к доминирующим общественным силам¹. Однако внутренняя структура крестьянства представляется нам достаточно сложной. Она включала половозрастную, социально-классовую, субсословную, конфессиональную, культурно-хозяйственную, территориальную и иные срезы, и в изучаемое время являлась весьма динамичной.

Предметом исследования в данном случае стала совокупность взаимосвязанных природно-географических и социальных, и том числе экономических, политико-правовых, демографических и культурологических, а также информационных условий или факторов воспроизводства (т. е. возобновления и преобразования в ходе смены поколений) сельского населения. Этот предмет рассматривается нами в более широком контексте условий (предпосылок) социального образа жизни. В структуре образа жизни мы выделяем, в частности, производство и самовоспроизводство субъекта жизни, в данном случае – русского крестьянства Сибири. Оно осуществляется в рамках общения, демографического поведения, воспитания и образования поколений, их социальной стабилизации (табл. 1).

Таблица 1

Структура предмета исследования при изучении социального образа жизни

Зверевой, В. А. Зверева. Новосибирск, 1995.

¹ См.: Шанин Т. Перспективы исследования крестьянства и проблема восприятия параллельных

крестьянства

<i>Условия (предпосылки) жизни</i>	<i>Составные части образа жизни</i>	<i>Результаты (последствия) жизни</i>
Субъект жизни:	Воспроизводство и самовоспроизводство субъекта жизни:	Воспроизведенный субъект жизни:
Физическое наличие и валентность	Демографическое поведение (брачное, репродуктивное, витальное, миграционное), т. е. физическое возобновление	Физически наличный и валентный
Включенность в социум, приобщенность к культуре	Воспитание и образование новых поколений, социальная стабилизация/мобилизация, т. е. социокультурное воспроизводство	Включенный в социум, приобщенный к культуре
Психологическая настроенность	Общение, т. е. воспроизводство психологических установок	Обладающий психологическими установками
Внешние объекты и ресурсы жизненной активности:	Воспроизводство объективных условий жизни:	Воспроизведенный объективные условия жизни:
Природно-географические	Хозяйственная деятельность (земледелие, скотоводство, промыслы)	Природно-географические
Социальные (экономические, политико-правовые, демографические, культурологические и др.)	Общественная активность	Социальные
Информационные	Гностическая активность (познание, преобразование информации)	Информационные

Основное внимание уделяется общерегиональной сибирской специфике изучаемых условий, однако много места отведено и субрегиональным – территориальным, локальным – особенностям. Использовано достаточно прочно утвердившееся в исторической науке представление о Сибири как территории в административных границах Тобольской, Томской, Енисейской и Иркутской губерний, Акмолинской и Забайкальской областей. По ряду параметров производится сравнение ситуации в Сибири с состоянием соответствующих условий жизни историческом и культурном центре и одновременно – экономической метрополии страны – в Европейской России.

Хронологические рамки научного анализа в пособии включают период с 1861 до октября 1917 г. Это время с позиций формационного подхода характеризуется господством капиталистических отношений в России. С точки зрения концепции общественной модернизации этот период можно характеризовать как время вызревания предпосылок и начала перехода от традиционного к модернизированному обществу в русской деревне¹.

общественных форм // Крестьяноведение: Теория. История. Современность. М., 1996. С. 16.

¹ См.: Селунская Н. Б. Россия на рубеже XIX–XX вв. (в трудах западных историков). М., 1995;

Модернизация коснулась народонаселенческой сферы (проблема «демографического перехода») и сферы социализации подрастающих поколений. Она осуществлялась эволюционным путем и в изучаемый период еще не изменила основных характеристик крестьянского сообщества, но внесла в них некоторые прогрессивные коррективы. В деревенской жизни проявились и элементы социальной дезорганизации (аморальное и криминальное поведение части молодежи), что можно объяснить именно тем, что в начальной стадии перехода общественной системы к другой старый порядок стал рушиться, а новый еще не мог сложиться.

Пособие написано в рамках междисциплинарного подхода, использован широкий круг обществоведческих исследований общероссийского и сибиреведческого профиля. В качестве конкретно-исторических источников мобилизованы как опубликованные, так и архивные материалы различного вида и происхождения: законодательные, делопроизводственные, описательные, мемуарные, статистические, публицистические, фольклорные. Некоторые комплексы таких источников автором впервые вовлечены в научный оборот при изучении сибирского крестьянства: церковное каноническое право, данные массовых санитарно-гигиенических обследований, документация ряда медицинских учреждений. В работе применены общенаучные, междисциплинарные, математико-статистические и собственно исторические методы исследования. Пособие включает в себя не только текст оригинального научного исследования, но и аппарат, необходимый для организации научной и учебной деятельности студентов. Это вопросы и задания для подготовки к занятиям спецкурса, формулировки тем для курсовых и дипломных сочинений.

... «Два века не изживешь, две молодости не перейдешь», как говорили наши бабушки и деды – русские крестьяне. Они хорошо понимали значение преемственности и общественных порядков, и поколений людей. Автор настоящего пособия уверен, что его труд по изучению образа жизни крестьянства Сибири найдет продолжение и развитие в трудах молодого поколения историков и в Сибирском, и в иных регионах России, в преподавательской и просветительской деятельности этого поколения. Вспоминается еще одно крылатое выражение: «Посеянное вовремя – обязательно взойдет». Оно актуально и для изучения народной жизни столетней давности, и для обсуждения наших нынешних профессиональных проблем.

Глава 1. ПРИРОДНЫЕ И ГЕОГРАФИЧЕСКИЕ УСЛОВИЯ ВОСПРОИЗВОДСТВА КРЕСТЬЯНСКОГО НАСЕЛЕНИЯ СИБИРИ

В настоящей главе для конкретно-исторического анализа вычленяется группа естественно-географических условий (факторов) демографического и социализирующего поведения русского крестьянства и казачества, жившего в сельской местности Сибири во второй половине XIX – начале XX вв. Кратко характеризуются собственно географические, природно-климатические и генетико-биологические факторы. Намечены основные векторы их влияния на воспроизводство сельского населения региона.

Начнем с **географической специфики** Сибири. Общеизвестны данные о ее громадной территории, огромной протяженности расстояний между нею и историко-экономическим центром России, между отдельными сибирскими местностями и даже населенными пунктами во многих районах. Все эти условия сказывались на состоянии социальной инфраструктуры сельской местности: транспортная и информационная сеть, структура медицинских, образовательных, просветительных церковных учреждений были развиты на восточных окраинах слабо, в частности, и по географической причине. Расстояние от церкви до деревни в 20–30 верст считалось в сибирских православных епархиях «незначительным»¹. По данным Всероссийской школьной переписи 1911 г., на одно официальное начальное народное училище приходилось в Западной Сибири 836 кв. верст территории, в Восточной – 3226 кв. верст². В 1913 г. на каждый врачебный участок Сибири приходилось в среднем 26 180 кв. верст, радиус участка составлял 88 верст³.

Разумеется, такое положение не могло не сказываться на воспроизводстве населения. Огромные расстояния и связанная с ними неразвитость транспортной сети существенно сдерживали переселенческое движение в Сибирь и внутрисибирские миграции. Непомерно большие территории врачебных округов и медицинских участков оставляли мало возможностей для использования достижений научной медицины в деле сохранения здоровья и жизни, для медико-санитарного и гигиенического просвещения сельчан. Сильная удаленность приходских храмов от большинства деревень затрудняла влияние официальной церкви на демографическое поведение мирян – на вступление в брак, половую жизнь,

¹ См., например: Всеподданнейший отчет обер-прокурора Святейшего Синода по ведомству православного исповедания за 1902 г. СПб., 1905. С. 157.

² Однодневная перепись начальных школ в Российской империи, произведенная 18 января 1911 г. СПб., 1914. Вып. 12. Ч. 1. С. 4; Вып. 13. Ч. 1. С. 29. Источник рассматривает Западную Сибирь в границах Тобольской и Томской губерний, Акмолинской и Семипалатинской областей; Восточную Сибирь – в пределах Енисейской и Иркутской губерний, Забайкальской и Якутской областей.

³ Отчет о состоянии народного здоровья и организации врачебной помощи в России за 1913 г. Пг., 1915. С. 89–127 (3-я паг.). В данном случае Семипалатинская и Якутская области нами не учитываются.

отношение к смерти и т. д. В то же время относительная изолированность сибирских местностей и селений в некоторой степени оберегала их от распространения заразных болезней.

Речь пока шла об условиях физического воспроизводства. Для социализирующей деятельности крестьянства, географические условия также имели немаловажное значение. Факт удаленности и даже относительной изолированности многих местностей Сибири от динамично развивающихся центров экономики и культуры, прежде всего от столичных, крупных промышленных и университетских городов, можно оценить негативно. Степень изолированности со временем сокращалась, в разных частях региона она была различной. Жители захолустий, находившиеся вне зоны влияния Московско-Сибирского тракта, а с конца XIX в. – Сибирской железной дороги, годами не выезжали за пределы своей волости или станицы, поездка же в уездный или губернский город составляла для них очень большое событие. Этот факт обусловил в таких регионах существование локальных вариантов народной культуры, большую устойчивость, сохранность при межпоколенной передаче поведенческих традиций, в том числе и явно устаревших, интенсивнее отмиравших или трансформировавшихся в других местах.

В удаленных «забочных» местностях сильно затрудненным было социализирующее воздействие на подраставшие поколения таких институтов, как официальная школа и церковь, не говоря уже о только формировавшихся в изучаемую эпоху просветительных организациях городской интеллигенции. Общим местом является в исторических источниках сетование заинтересованных лиц и организаций на то, что большая удаленность и разбросанность селений затрудняют религиозно-нравственное, духовное развитие, первоначальное общее и специальное образование, просвещение населения.

Концентрированным выражением таких сетований может служить отчет статс-секретаря А. Н. Куломзина о поездках в Сибирь 1896–1897 гг. Особо отметив, что многие населенные пункты, особенно в Восточной Сибири, отстоят от волостного центра, школы и храма со священником «на многие десятки, даже сотни верст», Куломзин выделяет наиболее явные негативные последствия этого: невозможность для крестьян пользоваться волостными школами и отказы на этом основании от платежей на их содержание, стремление открыть училище непременно в своем селении; неравномерное распределение учеников по официальным школам, хронические отказы в обучении детям в многолюдных селах из-за переполненности классов; отсутствие «постоянного и активного влияния» священников на учащихся детей и вообще на подрастающее поколение сельчан, слабость надзора светской и духовной администрации за домашним обучением и воспитанием детей и молодежи¹.

¹ См.: Куломзин А. Н. Потребности начального образования в Сибири: Всеподданнейший доклад

«Географическими особенностями территории», наряду с другими причинами, объясняли власти сибирских губерний и областей неудовлетворительное состояние нравственности, иллюстрированное обычно большим количеством совершаемых преступлений и осужденных лиц. Так, томский губернатор во «всеподданнейшем» отчете за 1873 г. жаловался: при удаленности многих местностей и малочисленности полиции властям «не представляется никакой возможности иметь повсюду бдительный надзор за населением и своевременным вмешательством отклонять совершение в среде его преступлений»¹. Такое положение создавало необходимость и возможность для сельского сообщества, семьи своими силами без участия официальных властей решать многие дела по проступкам, совершаемым преимущественно молодежью.

В **природно-климатическом отношении** заселенная русскими часть Сибири имела целый ряд общих характеристик, более или менее явственно выделявших эту восточную окраину среди прочих регионов страны. Энциклопедический словарь Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона говорит об этом так: «Во всей Сибири зима холодная, несколько месяцев имеют температуру значительно ниже нуля и ... зимняя оттепель – редкое явление. <...> Так как притом лето ... довольно теплое для широты, то потому годовая амплитуда ... больше, чем где бы то ни было на земном шаре. <...> Точно так же во всей Сибири ... видно другое явление, свойственное континентальному климату – большое преобладание летних осадков над зимними. <...> Все живавшие в этой стране согласны в том, что осень, зима и ранняя весна – очень хорошие времена года, но апрель и май месяцы менее благоприятны, чем зима, вследствие более сильных ветров, большой облачности и резких перемен погоды»².

Общие географо-климатические условия Сибири рассматривались некоторыми исследователями досоветского периода в качестве одного из основных факторов, формировавших обособленную этническую общность русских сибиряков (А. П. Щапов, Г. Н. Потанин, Н. М. Ядринцев и др.)³. Оппоненты, впрочем, указывали: степень однородности природных условий в разных районах обширной Сибири относительна, а масштабы и темпы влияния климата на этнический тип населения не стоит преувеличивать⁴.

Можно по-разному оценивать научные результаты той давней дискуссии, но вовсе отрицать влияние природно-климатических особенностей региона на физический и

по поездкам в Сибирь 1896–1897 гг. СПб., 1898. С. 7–8, 27–28, 37–40.

¹ ГАТО, ф. 3, оп. 2, д. 3934, л. 34.

² Сибирь: Климат // Энциклопедический словарь. СПб., 1900. Т. 29а. Кн. 58. Стб. 757–758.

³ См.: Потанин Г. Н. Климат и люди Сибири // ТГВ. 1865. 26 марта; 2 апреля; Щапов А. П. Историко-географические и этнологические заметки о сибирском населении // Известия СОРГО. 1872. Т. 3. № 5. С. 243–274; Ядринцев Н. М. Этнологические особенности сибирского населения // ТГВ. 1865. 23 апреля.

⁴ См.: Клеменц Д. А., Макаренко А. А. Новый сборник статей о Сибири // Сиб. вопросы. 1908. № 33/34. С. 26; Пыпин А. Н. Русская народность в Сибири // Вестник Европы. 1892. № 1. С. 303; и др.

социокультурный облик сибиряков-старожилов, передававшийся новым поколениям, вряд ли возможно. Имеющаяся статистика браков, например, показывает, что для сельских жителей Сибири в целом было характерно относительно позднее наступление биосоциального совершеннолетия, связанное со вступлением в брак. Это соответствовало общей тенденции повышения границ брачного возраста в Европейской России в широтном направлении с юга на север¹.

Календарное распределение рождаемости было подчинено аналогичной тенденции: в направлении с юга на север и на восток России слабело проявление зимнего (в январе) подъема рождаемости. Этот подъем, второй по величине после июньско-июльского максимума, наблюдался повсеместно и происходил от увеличения числа зачатий в результате активизации жизненной энергии людей после зимнего оцепенения. В Сибири естественное учащение весенне-летних зачатий и зимней рождаемости не могло быть высоким. По словам врача В. П. Гедройц-Юраго, «... сибирская весна, со своею бедною природою, не производит на население того оживляющего влияния, которое наблюдается на западе»².

От природных особенностей в некоторой степени зависели время вступления в брак, интенсивность половой жизни, состояние здоровья, годовое распределение заболеваемости, травматизма и смертности населения. Одна из ярких особенностей сибирского климата – короткое лето с резкими перепадами температуры – обуславливает здесь малые сроки вегетации культурных растений, частые повреждения хлебов поздними весенними или ранними осенними заморозками. По этой причине в Сибири все летние полевые сельскохозяйственные работы проводились в сжатые сроки и при максимальном привлечении всей наличной рабочей силы. В свою очередь, такая вынужденная интенсификация труда обуславливала предельное сокращение летом и в начале осени количества заключаемых браков и зачатий и, напротив, резкое увеличение травматизма и смертности.

По мнению медиков, обширные местности Сибири имели такие компоненты природной среды, что благоприятствовали здоровью людей: сухой воздух, большое количество солнечных дней в году, обилие хвойных лесов и естественных водоемов, наличие многих дикорастущих растений, плоды, ягоды или стебли которых богаты полезными веществами³.

¹ См.: Бернштам Т. А. Молодежь в обрядовой жизни русской общины XIX – начала XX вв. Л., 1988. С. 41–47.

² Гедройц-Юраго В. П. Санитарно-статистический очерк 3-го участка Сибирского казачьего войска (1878–1887 гг.) // Протоколы Омского медицинского общества, 1889–1890 гг. Омск, 1890. № 8. С. 146–147.

³ См.: Бердышев Г. Д. Проблема долголетия в Сибири и на Дальнем Востоке. Новосибирск, 1963. С. 3–4.

Специалисты еще в конце XIX – начале XX вв. обсуждали проекты устройства санаториев для туберкулезных больных: считалось, что климат южной Сибири целебен для чахоточных. В частности, было статистически установлено, что в Сибирском военном округе у военнослужащих случалось значительно меньше туберкулезных заболеваний, чем в прочих округах России¹. Во многих местах в свое время были обнаружены лечебные водоисточники, грязевые озера, частично использовавшиеся для оздоровления населения уже в изучаемый период.

Учитывая все это, все же приходится считаться с фактом, очевидным для медицины и географии: «... в Сибири нет районов с комфортными (особо благоприятными для здоровья людей. – В. З.) территориями»². Неблагоприятными для жизни и здоровья считаются резкие перемены температуры воздуха, длинная зима и слишком жаркое во многих местах лето, большое количество болот, наличие природных очагов заболеваний (клещевой энцефалит, описторхоз и др.). В Сибири не растут многие полезные южные растения, например, цитрусовые. Вся северная полоса характеризуется «ультрафиолетовым голодом» – недостатком поглощаемых кожей человека солнечных лучей, что ведет к дефициту в организме витамина D.

При наличии ряда общих черт естественные условия отдельных сибирских регионов сильно отличаются друг от друга. Наиболее привлекательной для жителей в изучаемую эпоху была природа предгорной части Алтайского горного округа, Минусинского и частично Ачинского округов-уездов Енисейской губернии. В то же время имелись обширные местности с недостатком леса и доступных резервуаров питьевой воды: Степной край, некоторые анклавы в Кулундинской степи и Барабе. Напротив, в Восточной Сибири преобладали слишком залесенные, иногда заболоченные или гористые районы с нездоровой нейодированной водой. Львиную долю площади Сибири занимают северные местности с очень суровым и нездоровым климатом: Сургутский и Березовский округа Тобольской губернии, Нарымский и Туруханский края, слабо, правда, заселенные русскими.

В целом ряде таких экстремальных районов на протяжении всего изучаемого времени были широко распространены эндемические заболевания: полярная истерия («мерячество») на севере; зоб и связанный с ним кретинизм на юго-востоке, особенно в Иркутской губернии; деформирующий остеоартроз (уровская болезнь, болезнь Кашина-Бека) в долине р. Урова в Забайкалье; тарбаганья чума на юге Забайкальской области; цинга (скорбут) зимою, малярия

¹ Протоколы Омского медицинского общества, 1903–1904 гг. Омск, 1904. Вып. 2. № 2/6. С. 101–102. См. также: Михайлов М. П. Материалы к вопросу заболеваемости туберкулезом легких в Сибири, в частности, в Иркутской губ. // СМЖ. 1925. № 2. С. 48–52.

² Мисевич К. Н., Ряценко С. В. Географическая среда и условия жизни населения Сибири. Новосибирск, 1988. С. 8.

весной и летом во многих местах и т. д.¹ Специфическими бывали набор и течение «обычных» болезней. Так, из регулярных рапортов в Томскую врачебную управу окружного врача мы узнаем, что из месяца в месяц в осенне-весенний период в Нарымском крае «господствующими формами болезни были ревматические и катаральные горячки», простудные заболевания дыхательных путей и мозговых оболочек. Даже летом катары дыхательных путей в суровом Нарыме были нередкими, уступая, впрочем, первенство расстройствам желудочно-кишечного канала, связанным с избыточной влажностью и жарой².

Природные условия колонизируемых районов Сибири входили в число основных факторов, определявших миграционное поведение переселенцев.

Большинству мигрантов из разных источников были хотя бы в общих чертах известны привлекательные стороны сибирской природы, и основная масса стремилась осесть в относительно благоприятных местностях Алтайского горного округа, юга Енисейской губернии, севера Акмолинской области. Исключительно велико было стремление обосноваться в местностях, сходных по ландшафту и климату с родными местами, если не в еще более предпочтительной природной среде. Поэтому, по данным исследователя Н. П. Огановского, к концу изучаемой эпохи из каждой 1000 новоселов Сибири, приехавших из юго-западных степных губерний, 619 человек, т. е. намного более половины, осело именно в степной полосе. 61,6 % уроженцев лесных губерний устроилось в сибирской тайге и урманах; почти половина (44,3 %) выходцев из лесостепных губерний поселилась в лесостепной же зоне³.

Однако переселенческая политика царизма была построена таким образом (влияти и случайные факторы), что значительная часть мигрантов оказывалась заброшенной в непривычные условия, отдаленные местности с совершенно незнакомой и неблагоприятной естественной средой. Неимоверные трудности «приспосабливания» хозяйства и быта к такой среде были одной из важнейших причин вторичных и обратных миграций в Сибири. С мест водворения и приселения многие уходили, объясняя свой шаг таким образом: «... я нахожу, что климат мне и моему семейству в здешней местности не позволяет жить, так как я и все мое семейство сильно бодем»; «... так как земля на новом месте посева хлебов неудобна, от чего я не в силах прокормиться со свои семейством»; «... участок оказался подтаежный и омывается большим двумя реками, от этого приходит зной (здесь – холод. – В. З.) и

¹ Подробнее см.: Федотов Н. П., Мендрин Г. И. Очерки по истории медицины и здравоохранения Сибири. Томск, 1975. С. 36–45.

² ГАТО, ф. 4, оп. 1, д. 204, л. 13, 103, 109, 131, 171, 202, 224.

³ Огановский Н. П. Народное хозяйство Сибири. Омск, 1921. С. 31–32.

померзает хлеб весной и осенью, так что мало созревает» и т. д.¹

По данным регистрации в Челябинске за 1881–1885 гг., в целом 78,3 % обратных мигрантов, перебивавшихся с кабинетских земель Алтая на родину в Европейскую Россию, мотивировала возвращение «непривычным климатом и неурожаем»². В период 1895–1906 гг. 27,2 % опрошенных «обратников» причиной своего возвращения из всей Сибири назвали «неподходящие естественные условия». Особое значение это имело для Енисейской и Иркутской губерний с их непроходимой тайгой (она давала 37–45 % «обратников» в разное время), для урманских северных местностей Томской и Тобольской губерний (24–37 %) ³. И в дальнейшем названная причина обратных миграций оставалась одной из ведущих.

Физиологическая и психологическая адаптация переселенцев к сибирской природе составляла одну из специфических сфер их демографического поведения. Не всем вполне удавалась такая адаптация, иные всю жизнь чувствовали себя в Сибири неудобно, часто болели. Жительница д. Кирюшка Кривошеинского района Томской области Е. В. Попеляева, приехавшая сюда с родителями из Пензенской губернии в 1911 г. в 13-летнем возрасте, вспоминала позже: когда первый раз отец отправил жену и дочек на прополку хлебов, те очень быстро вернулись домой, потому что «гнус заел». Рассказчица долго плакала по ночам, так как ей не нравилось жить в Сибири⁴.

Наличие на востоке множества труднодоступных таежных, гористых местностей имело в то же время и притягательный аспект. Некоторая часть сибирских старожилов, особенно старообрядцев, в изучаемую эпоху могла уходить в «пустыни» из более обжитых и открытых мест, чтобы сохранить в чистоте веру отцов, особенности своего быта и культуры, поставленные под угрозу массовым приселением «пришлого из Расеи» народа.

Причинами вторичных (в пределах Сибири) переселений бывали также многократно повторяющиеся стихийные природные катаклизмы: засуха, наводнение, да еще миграции промысловых животных и т. п.

Слабо изучены **генетические факторы** формирования и развития сельского народонаселения Сибири второй половины XIX – начала XX вв. Некоторые современные исследователи склонны считать, что действовавшие в течение веков элементы естественного отбора в условиях освоения огромных пространств с суровым климатом «способствовали закреплению в потомстве сибиряков генетически полноценной конституции»⁵.

¹ ГАТО, ф. 3, оп. 44, д. 561, л. 1, 23, 72, 89–90; д. 3081, л. 2, 6, 10, 61, 75, 81, 221; д. 3217, л. 63–64, 116; оп. 46, д. 518, л. 12; д. 1044, л. 148; и др.

² Качоровский К. Р. Крестьянское хозяйство и переселение // Рус. мысль. 1894. № 6. С. 73.

³ Ямзин И. Л. Переселенческое движение в России с момента освобождения крестьян. Киев, 1912. С. 147–148.

⁴ ОПИ ГИМ, ф. 475, оп. 1, д. 3, л. 20.

⁵ Бердышев Г. Д. Проблема долголетия... С. 4.

Действительно, для Сибири характерно наличие ряда крупных и устойчивых популяций русского сельского населения с генофондом хорошего качества («семейские» Забайкалья, «поляки» на южном Алтае и др.). При капитализме их относительная замкнутость ослаблялась. Заселение многих сибирских территорий выходцами из разных мест почти исключало брачные союзы родственников и способствовало обогащению генетического фонда. Смещение русских с аборигенами давало в некоторых местностях тоже очень жизнеспособное потомство с высокой рождаемостью и быстрым естественным приростом: «ясачные» в Иркутской губернии, метисные группы на Алтае-Саянском нагорье и пр.¹

В то же время известно, что генетическая наследственность сибиряков отягощалась связями с уголовными ссыльными, расположенными к психическим расстройствам и страдавшими различными болезнями, а также широко распространившимся пьянством, эндемическими и хроническими заболеваниями². Кое-где на северо-востоке Сибири в низменных, окруженных высокими горами, заболоченных речных долинах, слабо освещенных, плохо продуваемых ветром, сформировались популяции русских жителей, отличавшиеся малорослостью и истощенностью, слабой жизненной энергией, умственной «заторможенностью» (этому, вероятно, способствовали и браки между родственниками в относительно изолированных группах)³.

Состояние здоровья, в том числе детерминированное биологической наследственностью, сказывалось на брачном поведении крестьян. Было затруднено вступление в брак выходцев из семей, известных своими наследственными болезнями и пороками. С ними избегали «родниться» знакомые и соседи. Первая всеобщая перепись в 1897 г. дала такие сведения: в целом по сельской местности Сибири среди «лиц, одержимых физическими недостатками» (слепота, глухонмота, немота, сумасшествие), независимо от возраста, состояло в браке лишь 24,6 %, в том числе 27,7 % мужчин и 21,2 % женщин. В то же время во всем сельском населении доля состоявших в брак была почти вдвое большей – 40,8 %, в том числе у мужчин 40,0, женщин – 41,7 %⁴.

Отметим воздействие биолого-генетического фактора и на процесс социализации

¹ См.: Миротворцев К. Н. Иркутские «ясачные» в освещении статистических цифр. Иркутск, 1923; Ярхо А. И. Наблюдения над физическим развитием Русского Алтая // Сев. Азия. 1925. № 3. С. 51–74; Ярхо А. И., Белкина В. И. Физическое развитие населения Хакасского округа Сибирского края // Там же. 1928. № 5/6. С. 100–114.

² См.: Колбасенко И. С. Старица Стретенская (Забайкальской обл.), ее народонаселение и санитарный быт // Записки Приамурского отдела РГО. Хабаровск, 1899. Т. 5. Вып. 2. С. 102; Россия: Полное географическое описание нашего Отечества. СПб., 1907. Т. 16. С. 226.

³ См.: Кашин Н. И. Зоб и кретинизм вне и в пределах России, в особенности в Приленской долине и по другим местностям Иркутской губ. Иркутск, 1871. С. 191; Птицын В. В. Очерки народной жизни по р. Лене // Вестник Европы. 1893. № 2. С. 102.

⁴ Подсчитано по источнику: Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. СПб., 1904–1905. Т. 73. С. 18, 102; Т. 74. С. 20, 104; Т. 75. С. 18, 96; Т. 78. С. 26, 136; Т. 79. С. 24, 136;

подраставших поколений. Решение родителей отдать ребенка на обучение в начальную, а тем более в среднюю школу часто зависело от состояния его здоровья и природных способностей. Так, московский кинематографист И. Г. Ростовцев, родившийся и выросший в Комской волости Минусинского уезда Енисейской губернии начала XX в., вспоминал через много лет: небогатые родители учили его в школе, а потом отдали в волостное правление в подписаренки, потому что «здоровьишко у меня не ахти какое и ... для этой каторжной мужицкой работы я все равно мало соответствую»¹. При прочих равных условиях учиться грамоте охотнее отдавали младших в семье ребят. Успешность образовательного и воспитательного процесса во многом определялась природными свойствами характера, темперамента, воли и интеллекта конкретных детей, качеством генофонда тех или иных популяций населения.

Глава 2. СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ УСЛОВИЯ

2.1. Физическое воспроизводство населения

Начиная обзор общественных факторов физического воспроизводства населения, выделим, прежде всего, социально-экономические, а среди них – **формирование и развитие капиталистических отношений** в условиях многоукладности экономической жизни и колониального положения Сибири. Основные проявления развития капитализма вглубь: разложение натурального хозяйства и переход его в товарно-денежное, относительно быстрый прогресс техники (проведение Транссибирской железной дороги, распространение улучшенных сельскохозяйственных орудий, машинного маслоделия), социальное разложение крестьянства и формирование в деревне новых классов, отток части сельского населения в промышленность приводили к изменению демографического поведения крестьян. С конца XIX в. начался процесс становления нового (рационального, современного) типа и режима воспроизводства населения в отличие от безраздельно господствовавшего до той поры и пока все еще доминировавшего традиционного типа. Развитие капитализма вширь, проявлявшееся ярче всего в массовом переселенческом движении, делало одним из самых важных факторов и одновременно способов формирования и качественного изменения населения Сибири аграрные миграции.

Медленно, но последовательно менялся характер труда: на смену семейным и общинным его формам все чаще приходил наем батраков, в большинстве случаев осложненный кабалой. Этот процесс, а также усиление конкуренции вызывали среди одной части крестьян стремление опереться в борьбе за хозяйственное выживание на «многосемейность» (относительно большое количество рабочей силы в многолюдном семейном домохозяйстве), а у других, наоборот, ускоряли семейные разделы. Поскольку семейный труд все же продолжал определять облик деревни, постольку сохранили важное экономическое значение такие явления, сформировавшиеся в предшествующую эпоху, как относительно ранние браки и фактическое отсутствие формальных разводов, «приймачество», усыновление и т. д. В Сибири ярко проявлялся «бытовой» максимум рождаемости детей в июле-ноябре, что соответствовало резкому сокращению количества зачатий в разгар сельскохозяйственного цикла (май-август) и учащению зачатий осенью и зимой, когда население пользовалось семейным отдыхом после интенсивных полевых работ, сравнительным изобилием пищевых продуктов и приурочивало сюда свои свадьбы. В то же время прогресс производства наметил изживание хозяйственной функции части семей, и поэтому сокращались людность и трудообеспеченность семейного домохозяйства, получили распространение фактические разводы, длительное безбрачие и другие проявления

нетрадиционного демографического поведения сельчан.

Технические нововведения облегчали сельский труд, но зачастую увеличивали травматизм. В целом технология сельскохозяйственных и промысловых работ оставалась отсталой, а вынужденное увеличение затрат труда прямо вредило здоровью, особенно женскому и детскому. В источниках ярко охарактеризованы неблагоприятные для здоровья, а то и прямо «убийственные» условия, существовавшие в рыболовном промысле (долгое пребывание в холодной воде, тяжелая гребля)¹, в деревенских обрабатывающих промыслах: пимокатном и шерстобитном, рогожном, ватнодельном, решетном и других (непомерно длинный рабочий день, антигигиеническая обстановка в рабочих помещениях)². Согласно отчетам медицинских органов, многие кустарные и мануфактурные кожевенные, кошмовальные, мыловаренные и клееваренные, салотопенные, винокуренные и пивоваренные, мукомольные, неводные предприятия отбросами своего производства загрязняли почву, воду и воздух окрестных местностей, ухудшая экологическую обстановку³.

Исторические исследования подтвердили «более высокую по сравнению с российским зажиточность и мелкобуржуазность сибирского крестьянства, наличие в нем сравнительно многочисленных и сильных элементов фермерства»¹. **Относительно высокая зажиточность** была фактором, благоприятно сказывавшимся на всех сторонах брачного и семейного быта, воспроизводства населения, на самых больших в России с конца XIX в. показателях его естественного и механического прироста. Для зажиточных групп сибирского, особенно старожильского крестьянства были характерны наиболее высокая брачность, обеспеченность жильем, банями, одеждой, продуктами питания, наиболее рациональное в гигиеническом отношении содержание жилых и хозяйственных помещений. В то же время наличие многочисленного слоя бедноты, разоряющейся части середняков невозможно сбросить со счета: в целом материальные возможности для охраны здоровья и оптимизации демографического поведения крестьянства Сибири трудно назвать удовлетворительными.

Данные подворных переписей, бюджетных и санитарных обследований свидетельствуют об учащении семейных разделов и безбрачия, увеличении смертности и сокращении естественного прироста при переходе от высших к низшим социальным слоям и группам и в

¹ ККМ, о/ф. 7886, п. и. 203, л. 30.

² См.: Материалы для изучения экономического быта государственных крестьян и инородцев Западной Сибири. СПб., 1888. Вып. 1. С. 223, 227; 1889. Вып. 2. С. 83–85; 1889. Вып. 4. С. 96; 1893. Вып. 20. С. 220; и др.

³ См.: Отчет Медицинского департамента Министерства внутренних дел за 1888 г. СПб., 1891. С. 54–56; Отчет Медицинского департамента... за 1891 г. 1894. С. 146–147; Отчет Медицинского департамента... за 1892 г. 1896. С. 132; и др.

Европейской России, и в Сибири². Сибирские врачи единодушно сетовали на «полную неприменимость рациональных профилактических мероприятий в бедных классах населения», указывали, что и болезни, и повышенная смертность в деревнях распространяются, прежде всего, среди бедноты, особенно новосельческой³.

В целом социально-экономические факторы в наибольшей степени определяли уровень брачности и смертности, тогда как рождаемость больше всего зависела от биологического фактора, а также от брачной структуры населения (демографический фактор, связанный с социально-экономическим).

Земские статистики еще в конце XIX в. установили, что «резкие подъемы и падения урожаев и цен имеют влияние на естественное движение населения»⁴. В зоне рискованного земледелия, каковой является Сибирь, резкие колебания урожайности основных сельскохозяйственных культур были частым явлением. Статистика сельского населения свидетельствует: сильное повышение урожаев, сопровождавшееся понижением цен на зерно, муку и хлебопродукты и увеличением поголовья скота, уменьшало в том же и особенно в последующем году заболеваемость, смертность, увеличивало количество браков и зачатий, а также рождаемость, естественную прибыль числа жителей. Резкое же ухудшение урожаев и поднятие цен обычно влекли за собой в последующие месяцы обратную динамику демографических процессов. Характерно, что незначительные колебания урожайности и цен не имели заметных последствий, поэтому степень корреляции социально-экономических и демографических процессов не следует преувеличивать. Нужно учитывать также противоречивое воздействие на движение народонаселения различных других условий, которые нередко нейтрализовали друг друга.

Социально-экономические факторы, безусловно, доминировали среди причин и регуляторов переселенческого движения в Сибирь, а также вторичных и обратных миграций эпохи капитализма. Имеется в виду интенсивность развития капиталистических отношений и цикличность капиталистического производства, наличие феодально-крепостнических пережитков, колониационного фонда земель на восточной окраине, урожайность основных

¹ Крестьянство Сибири в эпоху капитализма. Новосибирск, 1983. С. 379.

² См.: Курцев А. Н. Социальные слои и группы российского крестьянства эпохи капитализма и особенности их воспроизводства // Проблемы взаимодействия социальной структуры и воспроизводства населения в России и СССР. М., 1988. С. 58–59; Сборник статистических сведений об экономическом положении переселенцев в Томской губ. Томск, 1913. Вып. 1. С. 79; и др.

³ См.: Воронов К. С. Томский и Каинский округа в медицинском отношении // ТГВ. 1865. № 14–21; Отчет Медицинского департамента... за 1877 г. 1878. С. 11; Отчет о состоянии народного здоровья и организации врачебной помощи в России за 1903 г. СПб., 1905. С. 37, 40; и др.

⁴ Влияние урожаев и хлебных цен на некоторые стороны русского народного хозяйства. СПб., 1897. Т. 2. С. 213.

сельскохозяйственных культур, развитие железнодорожного строительства и т. д.¹

Непосредственным стимулом миграции чаще всего являлось относительное и абсолютное **малоземелье, сложившееся в центре России** в результате сохранения помещичьего землевладения, рутинного состояния агротехники, узости рынка труда в сельской местности и одновременно довольно быстрого естественного прироста населения. В Сибири же (почти на всей ее территории до Столыпинской аграрной реформы, а затем в окраинных местностях) сохранялось многоземелье. Поэтому аграрные миграции в Сибирь и внутри нее осуществлялись в основном «истыми хлеборобами» с многолюдной семьей, содержавшей немало действительных или потенциальных (малолетних) «земельных» душ. Так преодолевалось «состояние несоответствия данной площади хозяйства рабочим силам его при данном уровне сельскохозяйственной техники и при данной экономической конъюнктуре...»².

К концу изучаемого периода под влиянием, в частности, массового переселенческого движения в наиболее заселенных и освоенных районах Сибири тоже возникло относительное малоземелье и аграрное перенаселение, вызывавшее отток части старожильческого населения в глубинные местности.

На демографическую ситуацию в среде мигрантов и новоселов Сибири в первые годы после водворения очень негативно влиял **низкий жизненный уровень большинства** из них. За неимением денег или в целях экономии скудных средств люди вынуждены были ехать в Сибирь за самую дешевую плату в антисанитарных условиях переселенческих поездов, на открытых палубах и в трюмах пароходов и барж, проходить большие расстояния пешком, не имея хорошей одежды и скудно питаясь по дороге. Многочисленные очевидцы «в один голос отмечают тот факт, что на первых порах все пришельцы оказываются далеко не стойкими в обыкновенной сельской работе... Это служит косвенным доказательством того, что переселенцы прибывают на новые места в значительно ослабленном физическом виде, и подкрепляет взгляд на них как на хронически голодающих людей»³.

Успех устройства новоселов на новом месте сильно зависел от наличия принесенных с родины денежных средств, а также возможности иметь заработки на месте поселения. При одинаково неблагоприятных природных условиях мест водворения «семьи, располагавшие большим запасом средств и получившие своевременно правительственную помощь в виде домообзаводственных ссуд, могли удержаться на местах и начать устраиваться, менее же

¹ См., например: Степынин В. А. Колонизация Енисейской губ. в эпоху капитализма. Красноярск, 1962. С. 67.

² Ямзин И. Л., Вошинин В. П. Учение о колонизации и переселениях. М.; Л., 1926. С. 42.

³ Бенедиктов Н. Г. Краткие сведения о больных переселенцах Ачинского врачебно-продовольственного переселенческого пункта в 1896 г. // Протоколы и труды Общества врачей

обеспеченные оказывались вынужденными возвращаться обратно», – указывает авторитетный статистический источник¹. Исследователь И. А. Гурвич констатировал: при капитализме «деньги, деньги и деньги – вот необходимое условие для водворения переселенца в новом крае»². Мы же добавим: и для успешного воспроизводства рабочей силы в домохозяйствах как переселенцев, так и старожилов. Ведь деньги требовались на лечение больных, на плату церковному причту за венчание, на покупку обуви и одежды, некоторых продуктов питания и т. д.

2.2. Социокультурное возобновление поколений

К. Маркс (он по праву считается во всем мире одним из классиков социологии) определял сущность человека как «совокупность всех общественных отношений»³. Это определение, не претендующее на универсальность, в данном случае помогает понять: процесс социализации личности – это в значительной степени процесс ее включения в наличную систему общения и общественных отношений, а на этой основе – постепенного «переведения» данной системы во внутренний план, ее «освоения» личностью. Отсюда следует, что само состояние общественных отношений в том их аспекте, с которым непосредственно имели дело формирующиеся поколения сельчан, во многом определяло не только «технология» саморазвития личности и социальной группы, содержание образовательных и воспитательных воздействий сельского сообщества, но и цели поведения людей в данной сфере («проекты» социализируемой личности, «чертежи» воссоздаваемых сельских социоструктур), а также смысл этого поведения.

В изучаемое время главной материальной основой и важнейшим коллективным субъектом процесса социализации в деревне являлось семейное домохозяйство, на котором еще лежал отпечаток натурального состояния, характерного для предшествующей эпохи. В ходе социализации новых поколений воспроизводились демографические компоненты именно полунатурального хозяйства. Сознание и поведение людей в этих поколениях тоже не могло не быть «полунатуральным» – в сильной степени сориентированным на жизнь в семье, в деревне, маловосприимчивым к влиянию со стороны представителей иной социальной среды. В то же время развивавшийся капитализм преодолевал «традиционное, самодовольно замкнутое в определенных границах удовлетворение существующих

Енисейской губ. за 1896–1897 гг. Красноярск, 1897. Вып. 3. С. 42.

¹ Статистические данные по переселенческому делу в Сибири за 1897 г. СПб., 1899. С. XVI.

² Гурвич И. А. Переселения крестьян в Сибирь. М., 1888. С. 87.

³ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. М., 1974. Т. 42. С. 265.

потребностей и воспроизводство старого образа жизни»¹. Формирующийся рынок создавал новый тип общественных отношений.

Влияние развивавшегося капитализма на процесс социализации молодежи следует признать противоречивым. С одной стороны, у населения объективно возрастали потребности в общей грамотности, в специальном сельскохозяйственном и ремесленном образовании, в политическом просвещении, что заставляло искать возможности удовлетворения этих потребностей в открытии школ и библиотек, создании системы специального образования и т. д. Буржуазные отношения способствовали складыванию новой социализирующей инфраструктуры. Например, уже в 60–80-х гг. XIX в., согласно данным массового обследования, начальные училища возникали «обычно в наиболее населенных деревенских центрах, весьма часто и наиболее промышленных и торговых и стоящих не в стороне и глуши, а по большей части на почтовых или имеющих торгово-промышленное значение трактах, по которым происходит более или менее сильное движение населения. Такого рода селения справедливо считаются наиболее цивилизованными. Большее умственное развитие в них не только оттого, что проживают здесь постоянно пришлые люди, торговцы, ремесленники и т. д., но и в силу самого наличия школ, которые при прочих равных условиях служат увеличению числа грамотных в селении»².

Формирование класса сельской буржуазии на основе верхнего социального слоя деревни имело одним из последствий улучшение материальной базы системы образования и воспитания. Зажиточные сельчане выделяли больше средств на домашнее или школьное обучение своих детей, на обучение их торговому делу в городе и т. д. Некоторые из них, а также разбогатевшие выходцы из деревни, перебравшиеся в города, жертвовали немалые средства на постройку, оборудование и содержание сельских училищ и библиотек. Из числа таких благотворителей администрация назначала школьных попечителей, в обязанность которых входила материальная поддержка беднейших учеников, наблюдение за хозяйственным и гигиеническим состоянием подопечных школ. Они должны были интересоваться и ходом учебно-воспитательной работы в официальных училищах, что неизбежно накладывало на нее отпечаток народных (крестьянско-буржуазных) педагогических представлений.

Развитие коммуникаций при капитализме облегчало транстерриториальную передачу культурных новаций и средств социализации. Этнограф А. А. Макаренко так характеризовал последствия частых взаимных поездок в гости у жителей центральной части Енисейской

¹ Там же. 1968. Т. 46. Ч. 1. С. 387.

² Личков Л. С. Что читает народ в Иркутском и Балаганском округах // Известия ВСОРО.

губернии: «Редкая “гостейка” вернется домой без какой-либо “новинки”: одна песне научится или игру переймет, другая чем-нибудь другим позаимствуется в людях, оставя взамен свои знания, свое умение...»¹.

Особенно динамичные изменения образа жизни крестьян происходили в конце XIX – начале XX вв. в районах, прилегавших к железной дороге и крупным городам. Изучавший культуру жителей Барабы А. Молотилов констатировал: «Деревня до проведения железной дороги и та же деревня после ее проведения – суть вещи очень друг на друга не похожие. Способ обработки земли, вид домов, материал и фасон платья, пищевой режим – все неодинаково»². В результате втягивания в товарно-денежные отношения, а на их основе – в гораздо более развитую и разнообразную систему отношений изменялись ментальность и культурные установки сибирского крестьянства, и легче всего такие изменения происходили в ходе смены поколений. Сохранялась ориентация на труд: крестьянин как собственник небольшого хозяйства, ведущегося преимущественно своими силами, ценил в человеке прежде всего трудолюбие, здоровую силу и выносливость, смекалку, тонкую наблюдательность, жизненный реализм.

С другой стороны, многочисленные источники и литература всех направлений отмечают и негативные тенденции в развитии социальных условий воспроизводства сельского населения при капитализме. Отношения капиталистической конкуренции и эксплуатации развивали ориентацию на рубль: жажду обогащения любой ценой, хозяйственный бытовой эгоизм. «Мы скоро все друг дружку съедим, а последнего волк съест», – с невеселой иронией говорили в конце XIX в. крестьяне Иркутской губернии³.

В литературе дооктябрьского периода распространилось указание на «развращающее» **влияние городов**, золотых приисков, крупных ярмарок и транспортных магистралей. Типичны в этом смысле заметки М. В. Загоскина. Автор пишет: «Постоянно бывая в городе для сбыта всевозможных статей своего хозяйства, подгородные крестьяне становятся год от году не богаче, не развитее в общественном смысле, а, напротив, беднее и грубее. Правда, они сделались гораздо бойчее и шеголеватее, но это и все, чем наградила их городская интеллигенция. <...> Даже грамотных между ними не больше.<...> Самые безобразные суеверия царствуют в их среде безраздельно: знахари, ворожеи, разные запуки – в общем ходу и пользуются всеобщим доверием. К стыду города, в нем же сосредоточиваются и

Иркутск, 1889. Т. 20. № 2. С. 49.

¹ Макаренко А. А. Материалы по народной медицине Ужурской волости Ачинского окр. Енисейской губ. // Живая старина. 1897. Вып. 1. С. 2.

² Молотилов А. Говор русского старожилого населения северной Барабы (Каинского уезда Томской губ.) // Труды Томского общества изучения Сибири. Томск, 1913. Т. 2. Вып. 1. С. 37–38.

³ Загоскин М. В. Одна из сибирских общин (с. Грановское). Иркутск, 1891. С. 68.

источники всех этих “благ просвещения” – и кабаки, и суеверия, и распутство»¹.

О вредном воздействии **сезонного приискового отхода** на нравственность сельчан писали такие авторитетные наблюдатели и исследователи, как М. И. Орфанов, П. М. Головачев, Н. П. Попов, В. С. Арефьев и др. О молодежи Енисейского округа последний говорил в конце XIX в. так: «По-прежнему свежая сельская молодежь, попадающая на прииски, развращается там, приучается к разгульной жизни, к вину и к картам, по-прежнему, возвращаясь на зиму домой, они несут этот разврат по деревням, вместе с разными заразными болезнями»². А. Молотиллов утверждает, что люди «большедорожные», «трахтовые» – жители селений по Московско-Сибирскому тракту – пользовались среди прочего («забочного») населения Сибири недоброй репутацией: «... хитрые, жадные на деньги, развратные людишки, порченный народ»³.

В таких представлениях, возможно, имеется немалая доля преувеличения реальных тенденций и даже искажения истинного положения вещей. Так, вопреки утверждению М. В. Загоскина, массовым обследованием второй половины 1880-х гг. было статистически доказано: по мере приближения к Иркутску уровень грамотности крестьян-старожилов в селениях повышался. Относительно много грамотных проживало именно в притрактных волостях и крупных торгово-ремесленных селах, которые одновременно часто являлись волостными центрами, имели собственные церковь и школу⁴. Однако некоторые негативные аспекты воздействия раннекапиталистической цивилизации, городского образа жизни на традиционную культуру и образ жизни сельчан все же были реальностью и их нельзя игнорировать.

Социальное разложение крестьянства тоже давало неоднозначные последствия. Выше мы указали на позитивную сторону дела: иные богатые сельчане помогали становлению просветительской сети, давали улучшенное образование своим детям и т. д. Однако этот же процесс затруднял нормальное функционирование институтов крестьянского и казачьего самоуправления, в том числе и по вопросам церковного, школьного, библиотечного дела, соционормативного контроля. Сельские и волостные сходы, призванные, в частности, решать вопросы деревенского благочиния, деятельности местных образовательно-воспитательных учреждений, зачастую были дезорганизованы внутренним разложением

¹ Загоскин М. В. Деревенские письма // ВО. 1889. 15 октября.

² Арефьев В. С. Очерки захолустной жизни // Енисей. 1898. 1 июля. См. также: Материалы по исследованию землепользования и хозяйственного быта сельского населения Иркутской и Енисейской губерний. Иркутск, 1892. Т. 2. Вып. 6. С. 268; Головачев П. М. Сибирь: Природа. Люди. Жизнь. М., 1905. С. 302; Орфанов М. Й. В дали: (Из прошлого). М., 1883. С. 90; Попов Н. П. Приисковый быт // Сиб. живая старина. Иркутск, 1929. Вып. 8/9. С. 93.

³ Молотиллов А. Говор старожилого населения... С. 129.

⁴ См.: Материалы... Иркутской и Енисейской губерний. М., 1890. Т. 2. Вып. 2. С. 244; Т. 2. Вып. 6. С. 31–32; Иркутск, 1893. Т. 4. Вып. 2. С. 34–36.

общины, засильем группы «кулаков», решавших все дела в своих корыстных интересах. Житель с. Баженова Томской губернии рисовал в газетной корреспонденции 1908 г. типичную картину: влияние торговцев и ростовщиков на дела в сельском обществе «достигает огромных размеров; своих односельцев они держат ... как подвластных, нередко слово одного мироеда становится законом для всего села. Едва ли кто осмелится подать голос против. <...> При таких условиях нет ничего странного в том, что возвращающиеся со схода отвечают спрашивающим незнанием того, о чем было собрание»¹.

Происходившее в ходе «раскрестьянивания» **обнищание массы крестьянства** существенно суживало для нее материальные возможности дать детям не только хорошее, но даже элементарное образование, вело к дезорганизации воспитательного процесса. Основная часть многочисленных отказов сельских обществ в выделении средств на нужды просвещения (как и сельской медицины) прямо мотивировалась неимением средств в связи с неурожаем хлебов, большой задолженностью по повинностям и т. д.² В сибирской деревне существовала «тесная связь между [неблагоприятными] условиями крестьянского труда и обучением детей: пока дети не могут еще участвовать во многих работах ... их отпускают в школу охотно, но лишь мальчик или девочка подрастет, их утилизируют как рабочую силу и ... отрывают от учения»³. Дети из беднейших семейств не имели возможности учиться сколько-нибудь успешно – родители не могли купить им даже приличной одежды и обуви для школы. В нижнем социальном слое получила распространение вынужденная сдача подростков в хозяйственный наем – годовой, сезонный, сроковый, поденный, что окончательно подрывало возможность использовать традиционные социализирующие институты для воспитания и обучения этой части молодежи. По данным обследования 1894 г., почти треть всех переселенческих семей на Алтае продавала рабочие руки своих «малолетков», иногда с 8–12 лет⁴. Подростки-батраки попадали в систему жестких отношений эксплуатации, где было немного места для собственно воспитательных воздействий, для относительно гармоничного развития личности.

Безвыходная нужда, ослабление общинного и семейного контроля, сбои в процессе социализации все чаще приводили определенную часть молодежи к нарушению семейного порядка и общественного «благочиния» – пьянству, хулиганству, мелкому воровству, а затем и к более крупным противоправным поступкам и преступлениям. На противоположном

¹ Очерки деревенской жизни Сибири // Сиб. жизнь. 1908. 13 июля.

² ЦХАФАК, ф. 127, оп. 1, д. 2, л. 55, 64; ф. 216, оп. 1, д. 13, л. 30–32; ГАКК, ф. 3, оп. 1, д. 47, л. 3, 17, 19, 35; ф. 807, оп. 1, д. 293, л. 19–20; и др.

³ Материалы... Иркутской и Енисейской губерний. Т. 2. Вып. 2. С. 214.

⁴ Швецов С. П. Материалы по исследованию мест водворения переселенцев в Алтайском округе: Результаты статистического исследования в 1894 г. // Алтайский сборник. Барнаул, 1899. Т. 4. Вып. 1. С. 20–21.

социальном полюсе «раскрестьянивавшейся» деревни также создавалась благоприятная почва для отклоняющегося поведения молодежи. По свидетельству чинов Переселенческого управления, в начале XX столетия в селениях Иркутской губернии, например, хулиганили парни из «бесхозяйственной и малосостоятельной молодежи, побывавшей на отхожих заработках в городах, горных промыслах, заводах и т. п.», но чаще всего – «из среды состоятельных крестьянских семейств, это ... объясняется уверенностью избежать, благодаря влияниям и средствам, наказания по суду и вообще неприятных последствий»¹.

Глава 3. ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ ФАКТОРЫ

Тесно связана с комплексом социально-экономических условий воспроизводства сельского населения чрезвычайно значимая группа демографических факторов. Как показал А. Г. Вишневский, демографическая подсистема в обществе относительно автономна, в определенных пределах она регулирует и воспроизводит сама себя². Иначе говоря, от состояния самой этой подсистемы (от соотношения мужчин и женщин в населении детородного возраста, от людности семьи, поколенного, возрастного и иного состава жителей, продолжительности их жизни и т. д.) в значительной степени зависят направленность, особенности и результативность демографических процессов в обществе и регионе.

Наиболее важные демографические характеристики сельской местности Сибири, влиявшие на воспроизводство здешнего населения, суть следующие³.

Соотношение мужского и женского населения. Это соотношение безразлично для состояния брачного рынка и уровня рождаемости (фертильности) при моногамном браке. Во второй половине XIX – начале XX вв. для сельского населения Сибири, взятого в целом, было характерно неблагоприятное соотношение полов: «мужской полк» численно преобладал над женским, что вообще бывает присуще колонизируемым регионам. Однако переоценивать масштабы и значение половой диспропорции в данном случае не следует. Во-первых, в среде старожилородного крестьянского и казачьего населения, в основных земледельческих районах диспропорции не существовало, и это смягчало общерегиональную ситуацию. Согласно данным всероссийской переписи 1897 г., количество женщин в сельской

¹ ГАИО, ф. 32, оп. 4, д. 137, л. 13, 21, 63.

² См.: Вишневский А. Г. Воспроизводство населения и общество: история, современность, взгляд в будущее. М., 1982. С. 7–19.

³ Подробнее см.: Зверев В. А. Семейное крестьянское домохозяйство в Сибири эпохи капитализма. Новосибирск, 1991. С. 16–64.

местности Сибири приближалось к половине населения, составляя 49,4 % из 53 469 человек¹. Во-вторых, диспропорции вовсе не было среди лиц, по возрасту наиболее активных в брачном и детородном отношении. Жителей 15–39-летнего возраста насчитывалось в селениях Сибири 1 965 621 человек, из них женщин было 50,3 %, что следует считать нормальным для физического воспроизводства поколений².

Возрастная структура населения. Она как раз показывает, каковы перспективы замены подрастающими людьми зрелых и стареющих поколений в количественном отношении.

Наиболее значимые выводы получаются при сравнении возрастной структуры населения сельской местности Сибири и Европейской России (табл. 2). Анализ данных переписи 1897 г. показывает, что для сельчан-сибиряков была характерна концентрация населения, особенно мужского, в средних – рабочих и потенциально рабочих возрастах. Если суммировать возрастные группы от 7 лет до 55 лет у женщин и до 60 лет у мужчин, т. е. старших детей, подростков и «работников», то в Сибири они составляли 73,6 % мужского и 69,9 % женского сельского населения, против соответственно 68,9 и 67,2 % населения «расейских» деревень. Доля крайних возрастов – младших детей до 7 лет и особенно стариков (женщин свыше 55, мужчин старше 60 лет) – в Сибири была заметно меньшей. В целом сибирский крестьянский двор отличался более работоспособным, а также несколько более молодым, перспективным составом.

Таблица 2

Возрастной состав сельского населения крупнейших регионов России (1897 г.), %³

Возрастная группа	Европейская Россия		Сибирь	
	мужчины	женщины	мужчины	женщины
Младшие дети	21,6	20,5	19,6	20,3
Старшие дети	13,4	8,0	15,8	11,6
Подростки	8,2	8,9	7,8	8,7
«Работники»	47,3	50,3	50,0	49,6
Старики	9,5	12,3	6,8	9,8

Перспективность обнаружится еще более отчетливо, если в таблице 2 суммировать

¹ Подсчитано по источникам: Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. СПб., 1904–1905. Т. 73. С. 18; Т. 74. С. 20; Т. 75. С. 18; Т. 78. С. 26; Т. 79. С. 24; Т. 81. С. 18.

² Подробнее см.: Зверев В. А. Семейное крестьянское домохозяйство в Сибири эпохи капитализма. Новосибирск, 1991. С. 16–64.

³ Подсчитано по источникам: Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. СПб., 1904–1905. Т. 73. С. 8–9; Т. 74. С. 8–9; Т. 75. С. 8–9; Т. 78. С. 12–13; Т. 79. С. 12–13; Т. 81. С. 8–9; Общий свод по империи результатов разработки данных Первой всеобщей переписи населения, произведенной 28 января 1897 г. СПб., 1905. Т. 1. С. 64–67. Применена следующая возрастная группировка: младшие дети – до 7 лет; старшие дети – мальчики 7–13 и девочки 7–11 лет; подростки мужского пола – от 14 до 17, женского – от 12 до 15 лет; «работники» – 18–60 и «работницы» – 16–55

возрастные группы младших и старших детей. В итоге в сибирских деревнях мальчики составят 35,4 %, девочки – 31,9 % населения соответствующего пола, а в «расейских» – лишь 35,0 и 28,5 %. Хозяйственная будущность сочетается в данном случае с хорошими перспективами для брачности и рождаемости, для естественного прироста населения.

Людность семейного домохозяйства и величина семьи. Вступая в брак, рождая детей, сохраняя их жизнь и здоровье, крестьяне в первую очередь воспроизводили семейную структуру, восстанавливали и расширяли людской состав собственного хозяйства.

Как показали наши предыдущие исследования, во второй половине XIX – начале XX вв. семейный крестьянский двор в Сибири в целом мало отличался по людности от такового в Европейской России, насчитывая в среднем в 1897 г. 5,7, а летом 1917 г. – 6,1 души¹. Такая людность была близка к минимально возможной для успешного ведения многопрофильного хозяйства своими силами. Действовали две противоречивые тенденции. Процесс сокращения населенности многих семейных хозяйств обуславливался частнопредпринимательским перерождением бывшего патриархального крестьянства (отрыв части дворов от земледелия, возможность хозяйствования с помощью найма батраков, развитие индивидуалистической психологии и т. д.). Однако «многосемейность» еще оставалась по традиции соционормативным ориентиром для большинства сельчан, одним из важнейших факторов крестьянского благосостояния; причем его значение даже на время повышалось для тех хозяйств, которые начали приобретать фермерские черты. На колонизируемой окраине многолюдная семья могла способствовать успешному становлению хозяйств новоселов. Поэтому существовала также тенденция консервации и даже возрождения «многосемейных» форм крестьянского домохозяйства в Сибири. Первая тенденция объективно вела к складыванию предпосылок регулирования брачности и рождаемости, вторая – к сохранению традиционной «всеобщей» брачности и многодетности.

Уровень брачности населения. Поскольку религиозные христианские нормы, гражданское законодательство и народная соционормативная культура признавали нормой рождение детей только в браке, уровень брачности взрослого населения оказывал очень сильное воздействие на показатели рождаемости, а через них – и на естественный прирост населения.

По данным переписи 1897 г., в селениях Сибири состояло в браке 61,7 % мужчин и 71,4 % женщин детородного возраста 15–49 лет². Это можно считать высоким показателем, благоприятным для рождаемости.

лет; старики – мужчины свыше 60, женщины старше 55 лет.

¹ Зверев В. А. Семейное крестьянское домохозяйство... С. 17 (табл. 1).

² Подсчитано по источникам: Первая всеобщая перепись... Т. 73. С. 18; Т. 74. С. 20; Т. 75. С. 18; Т. 78. С. 26; Т. 79. С. 24; Т. 81. С. 18.

Поколенный состав семьи и количество в ней детей также оказывали существенное воздействие на воспроизводство населения, в том числе на социализирующую деятельность крестьянства и ее результаты.

Традиционная система социализации, ориентированная на передачу культурных ценностей и норм поведения от старших к младшим, эффективно функционирует в том случае, если в семье – одном из основных институтов социализации – вместе живут представители, по крайней мере, трех поколений родственников: деды, родители, дети¹. Бабушки и дедушки, родители, старшие братья и сестры участвовали в социализации младших, имея свои определенные обязанности.

В ходе развития капитализма доминировала тенденция сегментации и распада крупных неразделенных семей, упрощения семейной структуры, что привело к преобладанию одно- и двухпоколенных, росту числа неполных ячеек. По нашим подсчетам, относящимся к населению 95 сел и деревень восьми южных округов Тобольской губернии за 1897 г., из 6255 семей, вошедших в выборку, 28,1 % составляли неполные ячейки, т. е. те, в которых умер или находился в безвестной отлучке один из супругов в любой из брачных пар. Однопоколенные семьи в общем количестве составляли 12,1 %, двухпоколенные – 58,6, трехпоколенные – 28,2, ячейки с четырьмя поколениями членов – 1,1 %². В целом по соотношению количества семей с различным типом поколенной структуры эта картина близка той, что фиксируется этнографами в Забайкалье и Приангарье, на Алтае и в других местах³.

Доминирование одно- и двухпоколенных семей в целом затрудняло осуществление семейным домохозяйством его социализирующей функции в ее традиционном виде. В то же время в удаленных относительно изолированных районах оставалось еще довольно много семей трехпоколенных, с боковыми линиями родства, сохранявших патриархальный уклад отношений; существовала тенденция к усилению роли сложной по составу и относительно многолюдной «семейной кооперации» в верхнем социальном слое деревни⁴.

Масштабы отходничества и аграрного переселенческого движения на востоке

¹ См.: Семенова Л. И. О влиянии поколенного состава семьи на передачу этнокультурных традиций // СЭ. 1981. № 1. С. 68–77.

² Подсчитано по источникам: ТФ ГАТюмО, ф. 417, оп. 2, д. 7, 12, 20, 21, 25, 40, 45, 61, 69, 76, 90, 92, 107, 125, 149, 154, 164, 166, 176, 192, 193, 211.

³ См.: Лебедева А. А. К истории формирования русского населения Забайкалья и его хозяйственного и семейного быта (XIX – начало XX вв.) // Этнография русского населения Сибири и Средней Азии. М., 1969. С. 159; Сабурова Л. М. Культура и быт русского населения Приангарья (конец XIX – XX вв.). Л., 1967. С. 167; Сафьянова А. В. Внутренний строй русской сельской семьи Алтайского края во второй половине XIX – начале XX вв. // Русские: семейный и общественный быт. М., 1989. С. 98; и др.

⁴ См.: Мамсик Т. С. О типологии крестьянских хозяйств в Сибири дореформенного периода // Социально-демографические процессы в российской деревне (XVI – начало XX вв.). Таллин, 1986.

страны. Отхожие промыслы разъединяли на определенное время членов брачной пары и тем сокращали рождаемость в селениях. В деле социализации отходничество играло двойственную роль. С одной стороны, часть родителей, уйдя на время из семьи, устранялась от воспитания детей. С другой стороны, возвращавшиеся из отхода «бывалые» люди могли многое рассказать о жизни людей в иной среде, они становились иногда инициаторами полезных инноваций в деле социализации. Следует признать, что степень развития рынка рабочей силы на восточной окраине России в изучаемую эпоху возрастала. Масштабы сезонного и постоянного ухода части молодых сельчан из дома в города, в местности с более развитыми капиталистическими отношениями, в пригородные, притрактовые и прижелезнодорожные волости, на прииски, рыболовные пески увеличивались, но в целом оставались одними из наименьших в стране¹.

Что касается переселенческого движения в Сибирь крестьян из-за Урала, то, во-первых, оно являлось основным источником механического прироста сельского населения Сибири, т. е. причиной изменения количественных параметров воспроизводимого в ходе демографического поведения людей объекта. Во-вторых, переселенческая среда обладала резко специфическими особенностями демографической структуры (крупные семьи с молодым и работоспособным составом, численное преобладание мужчин и др.). Эти особенности переходили на все сельское население Сибири по мере роста в нем доли переселенческого элемента. Удельный вес новоселов в конце XIX – начале XX вв. увеличивался очень быстро: если в 1897 г. они составляли в сибирских селениях менее 1/3, то к началу Первой мировой войны уже половину жителей². Таким образом, демографическое поведение крестьян-сибиряков во все большей степени определялось половозрастной структурой и прочими демографическими характеристиками переселенческой среды.

Под мощным воздействием переселенческого движения в Сибирь в эпоху капитализма, особенно в период проведения Столыпинской аграрной реформы, менялись все прочие стороны жизни здешней деревни. В течение жизни одного поколения медленно, а при переходе от одного поколения к другому радикальнее стали изменяться менталитет и культура крестьян. Официальное издание Переселенческого управления выделяет «новые культурные начала» и в экономической жизни сибиряков (прежде всего – переоценка ценности земли и земледельческого труда), и в гражданско-правовой сфере (внесена мысль о неприкосновенности собственности на землю), и в области представлений о государстве

Вып. 1. С. 136–145.

¹ См.: Рабочий класс Сибири в дооктябрьский период. Новосибирск, 1982. С. 108–114.

² Горюшкин Л. М. Аграрные отношения в Сибири периода империализма (1900–1917 гг.). Новосибирск, 1976. С. 144 (табл. 13).

(устанавливается тесная личностная связь между «коренной» Россией и отдаленными окраинами)¹.

Исследователь быта крестьян-барабинцев Е. С. Филимонов еще в начале 1890-х гг. отмечал несомненное влияние на местное население более высокой грамотности переселенцев, их «большей религиозности и нравственности», лучшего знания ремесел и обрабатываемых промыслов². Правда, позже экономист и статистик А. А. Кауфман справедливо предостерегал от абсолютизации выводов Филимонова: в ряде районов Сибири старожилы по грамотности и степени религиозности не уступали новоселам, многие промыслы возникали в силу действия местных причин³. Кауфман и некоторые другие авторы акцентировали внимание на обратном воздействии крестьян-старожилов на переселенцев, и это расширяет постановку проблемы.

Можно выделить несколько основных каналов непосредственного воздействия переселенческого движения на социализирующую деятельность крестьян в Сибири:

1) Культурное взаимовлияние переселенцев из разных регионов Европейской и Азиатской России изменяло и обогащало форму и содержание того культурного потенциала, который подлежал межпоколенной передаче в процессе социализации детей. Менялось также представление о пределах допустимого в поступках молодежи, и это сказывалось на борьбе с девиантным поведением.

2) Приток более грамотных в своей основной массе мигрантов способствовал созданию социальной и психологической среды, благоприятной для формирования системы народного образования в Сибири: грамотные крестьяне на сходах охотнее выделяли общественные средства на просвещение, отправляли учиться в школу своих детей. Пример «грамотеев» являлся заразительным для односельчан.

3) Громадный рост переселенческого движения заставил царскую администрацию умножить усилия по развитию сети просветительных учреждений, расширению влияния официальной идеологии и религии на население через церковное строительство и другими методами. Школьная, церковная, агрономическая и ветеринарная помощь Комитета Сибирской железной дороги, Фонда им. Императора Александра III, Главного переселенческого управления сибирскому крестьянству была недостаточной и организованной не всегда лучшим образом, но все же значимой. Для многих сельчан именно она определяла способ и уровень приобщения к общей грамоте, основам вероучения,

¹ См.: Кузнецов В. К. Сибирские переселенцы // Азиатская Россия. СПб., 1914. Т. 1. С. 199.

² Материалы для изучения экономического быта государственных крестьян и инородцев Западной Сибири. СПб., 1892. Вып. 17. С. 88.

³ См.: Кауфман А. А. К вопросу о культурной роли переселенцев в Сибири и отношениях к сибирякам-старожилам // Путь-дорога: Научно-литературный сборник. СПб., 1893. С. 519.

достижениям научной и опытной агрономии.

Массовый приток мигрантов породил вписывающуюся в общую задачу социализации, но специфическую для колонизируемой окраины проблему необходимости «осибирячивания» новоселов – их адаптации к новой и весьма своеобразной природной, социальной и культурно-информационной среде. Без такой адаптации было бы невозможным механическое пополнение населения Сибири, без нее не происходило бы и воспроизводство тех «качеств» (свойств) этого населения, которые позволяли некоторым исследователям ставить вопрос о существовании особого этнического типа русских сибиряков.

Глава 4. ПРАВОВЫЕ И ПОЛИТИЧЕСКИЕ УСЛОВИЯ

4.1. Физическое воспроизводство населения

Очень важное место среди социальных факторов физического возобновления сельского населения Сибири занимают факторы политико-правовые. Дело в том, что правительство и местные органы государственного управления, церковные власти выступали в изучаемую эпоху в качестве основных субъектов демографической политики. Они активно стремились регулировать эту сферу общественной жизни, обычно исходя из своих классовых и конфессиональных интересов, но иногда поднимаясь и до осознания интересов общенациональных и общегосударственных.

Самым непосредственным образом демографическое поведение крестьян регулировало семейно-брачное законодательство России. Еще с 1830 г. на протяжении всей изучаемой эпохи действовал закон, разрешавший священникам венчание браков только с родительского благословения и по достижении женихами 18-и, а невестами – 16-и лет¹. В редких случаях «благословенные» союзы венчали по особому разрешению епархиальных властей и в более раннем возрасте, а без благословения родителей или заменявших их лиц можно было венчаться лишь по достижении гражданского совершеннолетия в 21 год. Совсем не допускалось освящение четвертого брака, союза духовных родственников и лиц, состоявших в близком кровном родстве, действовали запреты на браковенчание в периоды постов, в дни накануне религиозных и гражданских праздников. В основе гражданского законодательства в данном случае лежали церковные установления. В своем брачном поведении православные волей или неволей должны были с этими установлениями и законами считаться, и календарное распределение браков в году, распределение брачившихся по возрасту складывалось под их существенным влиянием.

Однако конкретные демографические и хозяйственные обстоятельства жизни крестьянского двора, события личной жизни иной раз вызывали необходимость нарушений закона: женитьбы молодых в более раннем возрасте, устройства свадьбы «не в срок» и т. д. Это могло приводить людей к осложнениям во взаимоотношениях с церковным клиром и общественным мнением деревни. Распространялись невенчанные консенсуальные браки – временные (до последующего повенчания в подходящий срок) или постоянные, дети от которых были ущемлены в гражданских правах.

Помимо законных, в руках недобросовестных клириков находились и «теневые» рычаги воздействия на демографическую ситуацию. Из-за злоупотреблений причта, требовавшего

¹ Полное собрание законов Российской империи: Собр. 2. СПб., 1831. Т. 5. Отд. 1. № 3807. С. 740.

непомерно большую плату за требоисправление, браки бедноты в деревнях иногда не оформлялись венчанием, иные не состоялись вообще. За взятку венчались иногда малолетние или родственники и т. д. В одном 1910 г. в Енисейской епархии за проступки, связанные с неправильным повенчанием браков и крещением детей (вымогательство денег, венчание несовершеннолетних и лиц в родстве, без соблюдения необходимых формальностей, неправильное ведение метрической и обыскной книг и др.) было наказано церковными властями, по нашим подсчетам, не менее 14 священников¹.

Браки старообрядцев, не оформленные венчанием и записью в метрическую книгу православной или единоверческой церкви, приобретали законную силу в глазах государства только после записи их в особые метрические книги, подконтрольные властям. Поскольку многие староверы записываться в «антихристовы» книги не считали возможным, их браки, даже самые прочные, законными не являлись. Не признавались законнорожденными дети от этих браков.

Гражданское законодательство России, также на основе церковных установлений, лишь в очень редких случаях допускало брачные разводы. С одной стороны, на этой основе существовало общее ощущение стабильности, правовой защищенности брака и семьи, без чего стало бы невозможным бытование традиции многодетности. Но, с другой стороны, те брачные пары, что уже фактически распались (со временем таких становилось все больше), не могли официально оформить свой развод. В семьях, существующих на их основе, вызревала обстановка постоянной психологической напряженности и конфликтов, затруднявшая осуществление и демографической, и социализирующей, и прочих семейных функций. Закономерными становились половые связи супругов «на стороне», а также отклоняющееся поведение подростков, выросших в таких семьях.

Религиозные христианские правовые нормы предусматривали необходимость сохранения супружеской верности. Не допускалось сознательное регулирование рождаемости, ибо деторождение есть дар Божий, и для настоящего верующего считалось противоестественным вмешательство в это таинство. Жизнь верующего в полном соответствии с заповедями, соблюдение поста телесного и духовного в то же время налагали определенные половые ограничения. Необходимым считалось воздержание во время постов – Рождественского, Великого, Петрова, Успенского, еженедельно по средам и пятницам, по великим праздникам, включая воскресные дни, – всего приблизительно в течение 200 дней в году. Относительно равномерное распределение рождаемости по месяцам года, частые сетования клириков Сибири на безнравственное поведение деревенской паствы свидетельствуют о том, что указанные предписания соблюдались не очень строго.

¹ Подсчитано по источнику: РГИА, ф. 796, оп. 442, д. 2387, л. 29–38.

Положения 19 февраля 1861 г., знаменовавшие утверждение капитализма в России в качестве господствующей системы общественных отношений, в частности, закладывали основу правового регулирования как демографических аспектов общинной и семейной жизни, так и миграционного поведения крестьян в новых условиях. Статья 21 «Общего положения о крестьянах, вышедших из крепостной зависимости» формально провозглашала принцип гражданской правоспособности крестьян: на них распространялись отныне «общие постановления законов гражданских о правах и обязанностях семейственных»¹. Однако если внимательно взглянуть в конкретные правовые нормы реформы 1861 г., обнаружится множество ограничений и исключений из провозглашенного принципа. Так, право раздела семейного домохозяйства ставилось в зависимость от разрешения сельского схода, немало спорных вопросов, влиявших на воспроизводство населения, передавалось в юрисдикцию сугубо сословного учреждения – волостного суда, и т. д. В большинстве своих личных и общественных дел российский крестьянин был поставлен под контроль административных лиц, и таким образом мог продолжаться тот чиновничий бюрократический произвол, что сформировался еще в предшествующую феодальную эпоху.

Крестьянская реформа явилась значительным рубежом в создании правовых предпосылок массового переселенческого движения на восток, характерного для эпохи капитализма. Н. М. Ядринцев еще в 1880-х гг. четко сформулировал взгляд на 19 февраля 1861 г. как на этапный момент в мотивировании и организации переселений в Сибирь².

На востоке России реформирование системы «государственного феодализма» растянулось на длительный срок. Быстрее всего было изменено законодательное регулирование образа жизни бывших приписных крестьян и мастеровых. Мастерские кабинетских предприятий, значительная часть которых теперь пополнила собою алтайское и забайкальское крестьянство, получили возможность свободнее решать вопросы вступления в брак, семейного раздела, миграции и др. Распространение на кабинетские земли в 1860-х гг., на государственные в 1880-х гг. той части «Общего положения...», в которой определялись структура и права деревенского самоуправления, затем оформление системы казенных и кабинетских крестьянских учреждений, землеустроительная кампания – важные вехи, определившие сочетание чисто административных и экономических методов регулирования людности и структуры семейного домохозяйства сибирских крестьян при капитализме.

Авторитетные источники свидетельствуют: «... забота о крестьянском населении была последней задачей правительства; основной – поддержание престижа власти»³, и реальные

¹ Российское законодательство X–XX вв. М., 1989. Т. 7. С. 40.

² См.: Протоколы заседания отделения статистики // Известия ВСОРГО. 1888. Т. 20. № 4. С. 68.

³ Вейсман Р. Л. Правовые запросы Сибири. СПб., 1909. С. 27. См. также: Зинин Н. К. Воспоминания из сибирской жизни 1887–1892 гг. СПб., 1895. С. 171; Крестьянский кризис // ВО.

проблемы развития народонаселения не находили разрешения годами и десятилетиями. Разумеется, в деятельности конкретных чиновников можно найти примеры противостояния господствующей тенденции, заботливого отношения к нуждам жителей. Так, крестьяне Алтайской волости Бийского округа Томской губернии долго «с приятным чувством» вспоминали мирового посредника Мамонтова, который в 1860–1870-х гг. боролся со «всевозможными безобразиями», творимыми властями над старообрядцами. Мамонтов добился, например, отмены распоряжения генерал-губернатора Западной Сибири о насильственном расторжении «раскольничьих» браков, не признаваемых официальной православной церковью и государством¹.

В пореформенный период в политике светских и церковных властей господствовало стремление законодательно и административно регулировать и ограничивать инициативу и права сельчан. Законодательства о семейных разделах, об опеке, о паспортах в совокупности с сохранением сословного неравноправия крестьян и других феодальных пережитков означали закрепление зависимости личности, частной и гражданской жизни крестьянина не только от чиновника, но также от сельского и волостного общества, от домохозяина, главы семьи. Сельчане, особенно женщины и несовершеннолетние, по существу не были свободны в передвижении и определении места своего жительства, в создании самостоятельной семьи и т. д.

На втором этапе развития капитализма в России, особенно в годы Столыпинской реформы, развитие буржуазного правового начала потребовало переносить центр тяжести в регулировании образа жизни крестьян с чисто административных на экономические меры, больше внимания уделять личным правам граждан. Проявлением этой тенденции можно считать законодательные акты начала XX в. об улучшении положения незаконнорожденных детей, о веротерпимости, освобождении семейных разделов от санкции общества, об облегчении выхода совершеннолетних крестьян из общества и получения временных отлучек по паспортам и др. 12 мая 1914 г. был утвержден закон, в силу которого замужние женщины имели право получать отдельные виды на жительство, не испрашивая на то согласия своих мужей, следствием этого явилось усиление эмансипации женщин и молодежи в семейном быту, активизация процесса фактического распада части браков, усиление долгосрочных и сезонных миграций женской рабочей силы в города¹. После Февральской революции 1917 г. власти приняли меры к облегчению формальных разводов.

В богатой литературе об аграрной политике царизма в Сибири подробно анализировалось переселенческое законодательство и особенности его применения, что

1884. 30 августа.

¹ Чудновский С. Л. Раскольники на Алтае // Сев. вестник. 1890. № 9. Отд. 2. С. 41, 63–64, 73.

освобождает нас в данном случае от этой обязанности. Отметим лишь некоторые его особенности, самым непосредственным образом сказывавшиеся на демографическом поведении аграрных мигрантов, на людности и внутренней структуре их семейного домохозяйства.

Переселенческое законодательство на всем протяжении второй половины XIX – начала XX вв. уделяло большое внимание величине и составу переселявшихся семейств. До начала Столыпинской аграрной реформы разрешение на переселение в Сибирь могли получить преимущественно крестьяне с «достаточным» имущественным и семейным положением («многорабочие»), которые сравнительно в меньшей степени нуждались в помощи казны для своего устройства на новых местах. Так, циркуляр Переселенческого управления от 20 января 1897 г. предписывал местным властям «наблюдать, чтобы не выселялись семьи, кои по малочисленности состава или по бедности не могут рассчитывать на успешное устройство своего быта в Сибири»². С 1906 г. контроль администрации в этой сфере несколько ослаб, однако власти не раз подтверждали требование, чтобы семьи мигрантов обладали «достаточным составом»³.

Однако политику администрации в изучаемом вопросе следует признать противоречивой. С одной стороны, она способствовала искусственному созданию крупных семей, приостанавливала назревшие семейные разделы. С другой же стороны, поскольку ссуды переселенцам выдавались на каждого отдельного домохозяина, а не на общее количество его «домашних», в конце XIX – начале XX вв. получило распространение искусственное дробление семейств перед отъездом с целью получения нескольких ссуд. Оно усилилось в годы революции 1905–1907 гг. и после нее, когда чиновники, заинтересованные в подавлении революционного движения, «без всякого смысла стараются сбить в Сибирь беспокойные элементы, не заботясь о последствиях», – как писал один видный переселенческий чиновник¹, и часто закрывают глаза на «малосемейность» мигрантов.

Попытки властей жестко регулировать поток переселенцев бюрократическими методами, неэффективность переселенческой политики обусловили появление многочисленной категории «самовольных» мигрантов. До издания закона 6 июля 1904 г. «самоволец» – это переселенец, идущий за Урал без разрешения властей; по этому закону – тот, кто переселялся без проходного свидетельства, не имея права на льготы и на землю, нужную для поощряемых «законных» мигрантов. Особенности правового статуса

¹ РГИА, ф. 797, оп. 84, II отд., 3 ст., д. 254, л. 1–52.

² Цит. по: Ямзин И. Л. Переселенческое движение в России с момента освобождения крестьян. Киев, 1912. С. 30.

³ РГИА, ф. 391, оп. 4, д. 286, л. 3–5; Переселение из Черниговской губ. в 1909–1911 гг. Чернигов, 1912. С. 14–15; и др.

«самовольных» и «законных» переселенцев, как и переселенцев вообще, обусловили существенные отличия демографического поведения двух основных категорий мигрантов.

Кроме вольного переселения, значение которого постоянно увеличивалось, некоторое воздействие на воспроизводство сельского населения Сибири оказывала **принудительная ссылка**, политическая и уголовная. Мало того, что институт ссылки сам по себе предполагал невысокую степень брачности невольных поселенцев, для категории ссыльно-рабочих браки в Сибири были затруднены законом. По единодушному указанию множества источников, «бессемейность» ссылки, во-первых, оказывала «развращающее влияние» на здоровье и нравственность крестьянской среды (пьянство, внебрачные связи и семейные раздоры, венерические заболевания); во-вторых, создавала специфическую основу для распространения незарегистрированных браков, обычно бездетных или малодетных, потому что многие ссыльные вышли из молодого возраста². И с точки зрения естественного прироста (вследствие малодетности среды ссыльнопоселенцев), и с позиций механического прироста (из-за небольшой относительной численности этой категории жителей Сибири) роль ссылки в физическом воспроизводстве сельского населения региона нужно признать в изучаемую эпоху незначительной³.

Среди отраслей права, существенно повлиявших на воспроизводство сельского населения, следует назвать **военное законодательство**, регулировавшее порядок отбывания воинской службы в мирное время казаками и крестьянами, а также масштабы мобилизации во время военных действий. До 1874 г. набор рекрутов из крестьянской среды означал уход из селений почти на весь репродуктивный период части молодых мужчин, с соответствующими негативными последствиями для структуры рабочей силы, брачности и рождаемости населения. После военной реформы призывы влияли в основном на брачный возраст мужчин, искусственно повышая его: парни старались не жениться до возвращения со службы, которая длилась чаще всего 6 лет. В среде казачества регулярные и длительные военные сборы, на которые собирали служилый состав войска (мужчины в возрасте 18–38 лет) были одной из причин относительно невысокого естественного прироста казачьего населения. Они сказывались также на годовом распределении зачатий и рождений, поскольку проходили обычно летом.

В военные годы по мобилизации в армию уходила очень большая часть молодого и

¹ РГИА, ф. 391, оп. 3, д. 659, л. 108, 135.

² См.: Россия: Полное географическое описание нашего Отечества. СПб., 1907. Т. 16. С. 226; Ремезов А. И. Очерк санитарного состояния Западной Сибири. Омск, 1880. С. 33–35; Талько-Грынцевич Ю. Д. Продолжительность жизни русского населения в Забайкалье, вычисленная на основе смертности в 11 приходах за 23 года (1869–1891). М., 1898. С. 9; и др.

³ См.: Соловьева Е. И. Расселение и положение ссыльных в Сибири во второй половине XIX в. // Политические ссыльные в Сибири (XVIII – начало XX вв.). Новосибирск, 1983. С. 214–226.

наиболее активного в брачном и репродуктивном отношении мужского населения. По данным сельскохозяйственной переписи 1917 г., призванные в годы Первой мировой войны мужчины почти повсеместно в селениях Сибири составляли половину и более мужчин рабочего возраста¹. Этот фактор в совокупности с другими (ухудшением питания, резким усилением интенсивности труда остававшихся в деревне женщин, подростков и стариков, ростом заболеваемости и др.) определял заметное ухудшение на периоды массовых мобилизаций всех показателей воспроизводства населения. Особенно это относится к 1904–1905 и 1914–1917 гг.

В годы Первой мировой войны, которые мы рассматриваем как особый период в истории воспроизводства сельского населения, в состав последнего вошли две неизвестные ранее категории – беженцы и военнопленные. В связи с началом войны в августе 1914 г. был принят закон о **запрещении выработки и продажи крепких спиртных напитков**. Действие закона первоначально распространялось на время мобилизации, а затем было продлено на все время войны. Воспрещено было и домашнее изготовление водки, но не слабых алкогольных напитков. Влияние «сухого закона» тоже нужно учитывать при характеристике образа жизни сибирского крестьянства. Массовое анкетирование, проведенное акцизным управлением Енисейской губернии в августе-сентябре 1916 г., в частности, показало: «... на здоровье населения действие запретительной меры, несмотря на ее кратковременность, отразилось благотельно, и все болезни, связанные с употреблением алкоголя, уменьшились»². Интересно отметить, что в предшествующие годы ограничение продажи спиртного в деревнях Сибири также применялось некоторыми ведомствами и местными властями в контексте решения проблем переселенческого движения, в качестве профилактического мероприятия во время распространения эпидемий, в борьбе с усиливавшимися проявлениями дезорганизации общинной и семейной жизни.

4.2. Социокультурное возобновление поколений

Обратимся теперь к общественно-правовым условиям социального возобновления населения, состояние которых в целом можно оценить как неблагоприятное. В Сибири второй половины XIX – начала XX вв. сохранялись **пережитки «государственного феодализма»**, в том числе в надстройке – в системе административного управления деревней, в правовом положении крестьянства и недооценке его культурных потребностей, в

¹ См.: Погубернские итоги Всероссийской сельскохозяйственной переписи 1917 г. по 52 губерниям и областям. М., 1921. С. 72, 84.

² Юрьев А. Я. Как отразилось запрещение продажи крепких напитков на жизни населения Енисейской губ. Красноярск, 1916. С. 26.

политике самодержавия в сфере просвещения и нравственного воспитания¹. Приведем лишь один яркий пример ущемления личных прав крестьянина, его нравственного угнетения. По данным мирового судьи Е. Г. Шольпа, в период 1883–1890 гг. 12,5 % взрослого крестьянского мужского населения Красноярского округа Енисейской губернии было выпорото волостными судами, что составило 35,6 % всех подвергнутых наказанию в этих сословных судах².

Обстановка сословной обособленности и бесправия, личной зависимости крестьянина от домохозяина и «мира», а последнего – от казенного и кабинетского начальства и полиции препятствовала саморазвитию личностных качеств у молодого поколения, не располагала к проявлению индивидуальной и общественной инициативы, самодеятельности в народно-педагогической и обычно-правовой областях, как и в прочих сферах образа жизни.

Одним из ярких примеров подавления народной инициативы была борьба светской и духовной администрации с «вольными» школами. «Вольные», или «домовые», «домашние» школы издавна создавались в селениях России самими крестьянами для первоначального обучения детей грамоте; они являлись неформализованным институтом. Такие школы при их правовой, материальной, кадровой и методической поддержке могли бы стать эффективной составной частью общественной педагогической системы, альтернативной государственной системе. Однако у членов комиссии по народному образованию Сибирской парламентской группы были все основания констатировать в 1908 г., что усилиями властей деревенские вольно-народные школы разрушаются³. В первые пореформенные десятилетия домовые школы фактически не имели возможности легализоваться и существовать открыто. В последующий период в них преследовалось преподавание ссыльных, составлявших значительную часть учителей. На эти школы предпринимали гонения по причине их успешного конкурирования с официальными училищами и слабой подконтрольности. Понятно, почему один из учителей Минусинского округа Енисейской губернии, доказывая в газетной корреспонденции 1886 г., что крестьяне жаждут духовной пищи и просвещения, вынужден был констатировать: «... политические условия так обставили это последнее, что обыватели ... должны просвещаться украдкой»¹.

Официальное законодательство имеет еще один аспект, чрезвычайно значимый для судеб школьного дела на востоке России. Обязанность нести основные денежные и прочие материальные затраты на содержание в селениях образовательных и воспитательных

¹ Подробнее см.: Горюшкин Л. М. Сибирское крестьянство на рубеже двух веков (конец XIX – начало XX). Новосибирск, 1967. С. 264–276.

² Шольп Е. Г. Нужды сельскохозяйственной промышленности Енисейской губ. в сравнении с губерниями земскими. Красноярск, 1903. С. 9.

³ См.: В Сибирской парламентской группе // Сиб. вопросы. 1908. № 6. С. 38.

учреждений была возложена на сельские и волостные общества крестьян. Одновременно общества могли выступать инициаторами открытия или реорганизации таких учреждений, принимать участие в заведовании ими через своих представителей, через официальные комиссии (школьные, библиотечные и пр.)². Активность крестьянства в таких делах «направлялась» и строго регламентировалась администрацией, но все же роль «мира» в деле развития народного образования в сибирской деревне со временем усиливалась и в целом должна быть признана выдающейся. В частности, меры по улучшению материальной и кадровой базы просветительной сети проводились властями почти исключительно за счет соответствующего увеличения местных мирских повинностей, как натуральных и отработочных (строительство школьных зданий и др.), так и денежных.

По данным исследователя К. К. Кокоулина, в середине 1890-х гг. в Киренском округе Иркутской губернии в общей сумме мирских сборов школьные расходы составляли по различным волостям от 5,3 до 18,5 %. На одну мужскую душу в год расходы на школу из местных сборов колебались от 17 до 167 коп., составляя в среднем по округу 36 коп.³ Такие сами по себе небольшие суммы были все же больше средств, вкладывавшихся в развитие образовательной сети казной.

Конечно, светские и духовные власти России предпринимали определенные усилия для развития сети народного образования и нравственного воспитания в сибирских селениях. Однако политика в этой области характеризовалась довольно узкой классовой направленностью, идейной реакционностью, бюрократизмом, практической неэффективностью. Собирая с крестьян в виде различных податей и платежей миллионные суммы, царизм почти ничего из них не оставлял на нужды просвещения и культуры Сибири. Томский губернатор, например, из года в год в своих отчетах вынужденно констатировал: «Самые безотлагательные, самые насущные нужды населения – именно более совершенное устройство медицинской части в губернии, лучшая организация административных и судебных учреждений, наконец, распространение народного просвещения – остались ... незатронутыми, неудовлетворенными»⁴.

Это слова 1870-х гг., но со временем мало что менялось. По официальным данным за 1897–1898 гг., на нужды начального образования казна выделяла в разных сибирских губерниях и областях от 0,05 до 1,6 коп. в год на душу населения, что было «очень незначительно и крайне недостаточно»: содержание относительно благоустроенной

¹ Причины сибирского застоя // Сибирь. 1886. 16 февраля.

² См.: Ежегодник внешкольного образования. СПб., 1910. Вып. 2. С. 134–135.

³ Подсчитано по: Кокоулин К. К. Школы и грамотность в Киренском окр. Иркутской губ. Иркутск, 1895. С. 43 (табл. 17).

⁴ ГАТО, ф. 3, оп. 2, д. 3934, л. 10–11, 118–119; и др.

одноклассной школы обходилось в это время в Восточной Сибири не менее чем в 600 руб., двухклассной – 1200 руб. ежегодно, в Западной Сибири — несколько дешевле¹. В начале XX в. расходы из местных («земских») бюджетов на народное образование по Западной Сибири составляли смешотворную сумму в 8–12 коп. в год на одного жителя, на медицинское обслуживание – 13 коп., или в два-три раза меньше по сравнению с Европейской Россией².

Еще в начале изучаемой эпохи Н. М. Ядринцев пришел к выводу: «Губернская и особенно земско-полицейская администрация бессильна совладать со многосторонними земскими нуждами, она не может ни содействовать грамотности и просвещению, ни помочь народному здравью, ни регулировать повинности»³. Этот вывод в его основе можно считать справедливым и в последующие периоды. На Сибирь до лета 1917 г. не была распространена земская реформа, и это означало, что здесь не существовало общественного школьного и медико-санитарного дела, ставшего с середины 1860-х гг. в Европейской России при всех его недостатках наиболее продуктивной формой развития народного образования и здравоохранения. В 1907–1908 гг. Министерство просвещения взяло курс на введение всеобщего начального обучения в России в течение 10 лет, но эта задача была совершенно невыполнимой на неземских окраинах. Ежегодный прирост доли грамотных в сельском населении Томской губернии, например, составлял в период 1897–1917 гг. всего около 0,5 %⁴.

Не случайно поэтому буржуазно-либеральные и просто демократически настроенные общественные круги связывали надежды на подъем учебного и санитарно-медицинского дела на окраинах с необходимостью введения здесь земства. Некоторые выработывавшиеся в Сибири, в том числе с участием представителей крестьянства, проекты местного земского дела шли дальше Положения 1 января 1864 г. о губернских и уездных земских учреждениях, предоставляя более широкие полномочия выборным земским органам. Леворадикальные же партии и организации перспективу полного удовлетворения права трудящихся на образование и воспитание, а тем более формирования «нового человека» со временем все теснее увязывали не с буржуазно-демократическими реформами, а с коренным переустройством всего общественного строя страны в результате социалистической революции.

¹ Куломзин А. Н. Потребности начального образования в Сибири: Всеподданнейший доклад по поездкам в Сибирь 1896–1897 гг. СПб., 1898. С. 32–34; Всеподданнейший отчет обер-прокурора Святейшего Синода по ведомству православного исповедания за 1885 г. СПб., 1887. С. 185–186; и др.

² Сборник о земстве в Сибири: Материалы по разработке вопроса на местах и в законодательных учреждениях. СПб., 1912. С. 101.

³ Ядринцев Н. М. Сибирь как колония: к юбилею трехсотлетия. СПб., 1882. С. 363.

⁴ Соловьева Е. И., Зверева К. Е. Образовательный уровень крестьянства Сибири (конец XIX – начало XX вв.) // Социально-демографическое развитие сибирской деревни в досоветский период. Новосибирск, 1987. С. 87; Крестьянство Сибири в эпоху капитализма. Новосибирск, 1983. С. 329.

Еще одним специфическим политико-правовым «наследием» предшествующей эпохи в Сибири являлась **ссылка – уголовная и политическая**, практиковавшаяся до Февральской революции 1917 г. Серьезные исследователи отмечали, что ссыльное население влияет «весьма сильно на многие стороны жизни коренного населения, видоизменяя прежнюю жизнь, распространяя и внося в нее различные и часто совершенно чуждые ей элементы из своей жизни, которые, смотря по развитию пришельцев, принесут или пользу, или вред населению во многих отношениях»¹. Независимо от намерений законодателя ссылка, таким образом, выступала, наряду с переселенческим движением, в качестве канала, по которому в относительно «застойную» жизнь сибиряков проникали инновации как позитивного, так и негативного свойства.

Почти однозначно негативным было воздействие на социализацию подрастающих поколений крестьян-сибиряков уголовной ссылки. Правда, значение этого фактора не стоит преувеличивать: даже в Восточной Сибири, где ссылка была наиболее многочисленной, она давала в конце XIX в. в среднем приблизительно 2,5 % оседлого населения, хотя местами доходила до 7–8 %². Прочные связи «варнаков» сдержавшимися настороже местными жителями складывались нечасто. Однако многие источники в значительной степени именно с развращающим влиянием ссыльных уголовников, в том числе занимавших влиятельную должность сельского писаря, связывают рост туеядства, жестокосердия, пьянства, воровства, «кляузничества» и страсти к «ябеде», половой распущенности в молодежной среде Сибири³.

Роль политической ссылки была гораздо сложнее, в ней преобладали позитивные моменты. Источники фиксируют немало экономических, обычно-правовых, культурных новшеств, внедрение которых в селениях Сибири связано с «просачиванием» сосланных.

Для темы нашего исследования особенно значимо активное участие ссыльных в просвещении населения, главным образом в качестве учителей домовых училищ и школ грамоты. Педагогическая деятельность «политиков» была в течение почти всего изучаемого периода запрещена законом, но фактически запрет нарушался при частном преподавании, которое было трудно зафиксировать властям. Что касается уголовных, то притеснения их преподавательской деятельности (индивидуальной и в домовых школах) не были столь же строгими; в условиях кадрового «голода» на нее часто закрывали глаза. И все же с 1890-х гг., а особенно после революции 1905–1907 гг. в среде ссыльных, занимавшихся преподаванием

¹ Ремезов А. И. Очерк санитарного состояния... С. 33.

² Воробьев В. В. Формирование населения Восточной Сибири. Новосибирск, 1975. С. 185.

³ ГАТО, ф. 3, оп. 2, д. 3934, л. 33–34; оп. 13, д. 1221, л. 7; ТФ ГАТюмО, ф. 417, оп. 1, д. 500, л. 6–7; Материалы по исследованию землепользования и хозяйственного быта сельского населения Иркутской и Енисейской губерний. М., 1890. Т. 2. Вып. 2. С. 253, 260–261; и др.

в селениях, возросла доля более образованных и развитых «политиков», и исследователи отмечают, что в связи с этим заметно поднялся уровень учебно-воспитательной работы в вольных училищах¹. Наиболее образованные и подготовленные из ссыльных сделали многое для развития внешкольной просветительной сети – для превращения местных музеев в центры культурно-просветительной работы среди населения, для становления и развития сибирской прессы и т. д.² Революционные народники в 1870-х – середине 1890-х гг., а позже социал-демократы, эсеры, политссыльные других направлений зачастую становились не просто учителями, журналистами, музейными и научными работниками, но также использовали свое положение для политического просвещения населения и революционной пропаганды, эффективнее всего воздействовавшей на молодежь.

В воспоминаниях и автобиографиях активных участников революционного движения в Сибири, выходцев из деревенской бедноты зачастую встречаются указания, что именно общение мемуариста в юности с политссыльными его «очень многому научило», «оказало большое влияние как в культурном, так и в политическом отношении», «перевернуло мировоззрение»³.

Безусловно, признавали, но оценивали со своих позиций социализирующую роль ссылки в Сибири чины светской и духовной администрации. В концентрированном виде взгляды церковных архипастырей на сей счет выражены в отчете о состоянии Иркутской епархии за 1913 г.: ссыльные, «субсидированные своими “товарищами” и правительством, поселяются среди мирных крестьян и расклевывают их семейное и общественное счастье. Проповедуя, что Бога нет и надо жить в плоти, они тлетворно влияют на простой народ, который не может разобраться в их бреднях, часто с внешней стороны приправленных красивыми фразами о любви, равенстве и братстве. <...> Правда, их пропаганда среди возмужалых вперед продвигается пока еще туго, но поколение молодое заметно ей поддается, и вот расшатывается мирная жизнь, сеется вражда и недовольство»⁴. Результативность антиправительственного и атеистического воздействия ссыльных на крестьянскую молодежь с тревогой отмечается в отчетах Иркутской епархии за 1906 г., Тобольской епархии за 1910 г., иркутского губернатора за 1908–1909 гг., тобольского за 1912 г. и во многих других случаях⁵.

¹ См.: Шамахов Ф. Ф. Роль народной инициативы в борьбе за просвещение в дореволюционной Сибири // Общественно-политическое движение в Сибири в 1861–1917 гг. Новосибирск, 1967. С. 105.

² Подробнее см.: Ушакова Л. А. Культурно-просветительская роль ссыльных народников в Сибири (70-е – середина 90-х гг. XIX в.). Новосибирск, 1986; Щербаков Н. Н. Влияние ссыльных пролетарских революционеров на культурную жизнь Сибири (1907–1917 гг.). Иркутск, 1984.

³ ИОЦДНИ, ф. 300, оп. 1, д. 425, л. 3; д. 458, л. 1; ф. 393, оп. 5, д. 228, л. 67; д. 287, л. 9; д. 469, л. 1; НГПУ, д. 3, л. 21; Рютин М. Н. На колени не встану. М., 1992. С. 52–55; и др.

⁴ РГИА, ф. 796, оп. 442, д. 2580, л. 11–12.

⁵ Там же, д. 2090, л. 25; д. 2389, л. 7–8; д. 2423, л. 17–18, 27; д. 2580, л. 12; ф. 12, оп. 194, д. 55, л.

В тех же направлениях воздействовали на мировоззрение молодого поколения крестьян подъем общественного движения в России начала XX в., особенно события 1905–1906 и 1917 гг., деятельность в селениях леворадикальных революционных организаций. Глава Забайкальской епархии отмечал в отчете за 1910 г.: «Недавняя смута (Первая русская революция. – В. З.) произвела разрушающее действие как на веру и православность, так и на порядок семейной и общественной жизни. Открытое кощунство, даже богохульство, расстройство в семейной жизни, непочитание детьми родителей, ослабление престижа власти – вот плоды, оставленные в обществе днями свободы»¹. В этих словах, несмотря на их очевидную тенденциозность, зафиксированы оба ведущих аспекта влияния революционных событий и пропаганды на традиционную систему социализации сельской молодежи: 1) инициирование назревшего коренного изменения данной системы как части уже устаревшего «порядка семейной и общественной жизни»; 2) дезорганизация вообще процесса социализации как такового, поскольку взамен устаревших его элементов революционеры ничего реального и равноценного создать не могли.

В годы Первой мировой войны и назревания общенационального революционного кризиса в политической жизни страны формируется ряд новых факторов, заметно сказавшихся на социализирующем поведении крестьянства (элементы этих факторов проявлялись ранее во время Русско-японской войны и Первой русской революции).

Во-первых, резко усилилось значение политического образования и самообразования трудящихся, которое шло преимущественно по неформальным и даже нелегальным каналам. Всеми доступными способами вели политическую агитацию и пропаганду в деревне большевики, и их позиции были прочнее всего среди бедняцкой молодежи. Боролись за влияние на крестьянство мелкобуржуазные и буржуазные партии, часто используя легальные просветительские организации. Царизм силами ведомств православного исповедания и просвещения через церковные проповеди и народные чтения, библиотеки-читальни пытался противостоять складыванию политической армии буржуазно-демократической и социалистической революций, усилить влияние монархической, клерикальной и националистической идеологии в российской деревне². Таким образом, сфера социализации молодежи стала ареной острейшей политической борьбы.

Во-вторых, революционные и военные события резко усилили потребность деревни в грамотных людях. «Грамотеи» помогали своим односельчанам разобраться в происходящем

25–26; д. 60, л. 3.

¹ Там же, ф. 796, оп. 442, д. 2388, л. 11–12.

² См.: Косых Е. Н. К истории внешкольного образования в сибирской деревне (август 1914 – февраль 1917 г.) // Некоторые вопросы истории крестьянства Сибири. Томск, 1976. С. 65–75; Он же. Книжное дело в Сибири в период империализма // 200 лет книгопечатания в Сибири. Новосибирск,

по газетам, брошюрам, прокламациям. Кроме того, они становились связующим звеном между мужчинами, призванными на действительную службу в армию, и оставшимися дома их родными и близкими – писали и читали письма. Потребность эта реализовалась в основном за счет обучения грамоте детей.

Определенное позитивное воздействие на культурные запросы крестьянства оказало также запрещение казенной продажи крепких алкогольных напитков в России в 1914 г. Сокращение пьянства, по крайней мере, в первые месяцы войны высвободило дополнительное время и средства сельчан на воспитание детей, на чтение книг и газет. Временно уменьшились масштабы проявления отклоняющегося поведения молодежи. Отвечая в сентябре 1916 г. на вопрос анкеты акцизного управления Енисейской губернии о том, «как отразилось запрещение продажи крепких напитков на жизни населения», 88,6 % респондентов отметили явное уменьшение хулиганства и «буйства», 87,9 % – сокращение семейных раздоров и неурядиц, 85,7 % – краж, грабежей и убийств, 87,0 % – пожаров¹. К сожалению, свертывание антисоциальных форм отклоняющегося поведения молодых людей не стало в дальнейшем устойчивой тенденцией.

1989. С. 114–118.

¹ Всеподданнейший отчет обер-прокурора... за 1914 г. Пг., 1916. С. 86; Юрьев А. Я. Как отразилось запрещение... С. 26–40.

Глава 5. КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЕ ФАКТОРЫ

5.1. Физическое воспроизводство населения

В настоящей главе речь пойдет о состоянии таких факторов воспроизводства населения, которые в некоторых своих проявлениях детерминировали демографическое и социализирующее поведение сельчан «извне» (объективно), а в иных своих аспектах были включены в субъективную сферу. Во втором качестве они опосредовали воздействие внешних природных, социальных, информационных условий, делали поведение личности и социальных групп относительно автономным от этих условий. В первом параграфе анализируются состояние и степень доступности для крестьянства и казачества квалифицированного медицинского обслуживания, а также уровень и специфика развития народной соционормативной, медико-санитарной культуры и культуры питания.

От состояния медицинской и санитарной служб в селениях в сильной степени зависели профилактика и лечение заболеваний, а в связи с этим – качество физического развития и здоровья населения, показатели его смертности и естественного прироста во всех возрастах, в том числе в детском и юношеском, рабочем и одновременно детородном, в старческом.

Сеть медицинских учреждений, специально предназначенных для обслуживания деревенских жителей Сибири, в изучаемую эпоху делилась на три части по ведомственной принадлежности: на сельскую, переселенческую и казачью. Сельская медицина была подведомственна Министерству внутренних дел. Она начала складываться на востоке страны в 1865–1869 гг. и к концу 1880-х гг. включала окружных (уездных) врачей и двух-трех фельдшеров при каждом из них, а в некоторых районах также волостных фельдшеров, лекарских учеников, сельских повитух и оспопрививателей, что было крайне недостаточным.

Этапными стали законодательные акты 1896–1897 гг. (для Забайкалья – 1901 г.), согласно которым «Сибирь получила некоторое подобие рациональной медико-санитарной организации для сельского населения»¹. При врачебных отделениях губернских (областных) управлений состояли теперь врачи для командировок, а все уезды подразделялись на сельские врачебные участки, в штат которых входили участковый врач, фельдшеры, акушеры, оспопрививатели. На каждом участке предполагалось создание сельской лечебницы на 6–10 коек. Кроме стационарного лечения, медицинские работники обязаны были оказывать помощь во время разъездов по участку по вызовам сельских и волостных правлений.

¹ Федотов Н. П., Мендрин Г. И. Очерки по истории медицины и здравоохранения Сибири. Томск, 1975. С. 141.

Законодательство предписывало сельским и волостным обществам крестьян в основном на свои средства содержать сельские медицинские учреждения и их персонал. Соответствующие расходы составляли часть мирских повинностей. Дополнительно общества могли устраивать и содержать особые приемные покои с фельдшерами при них. С конца XIX в. развитие деревенской медицинской сети в Сибири ускорилося также за счет расширения штатов и благодаря появлению переселенческой медицинской организации.

Зачатки переселенческой медицины можно усмотреть в деятельности некоторых земств Европейской России, командировавших иногда своих медиков для сопровождения переселенческих партий. В местах большого скопления мигрантов в летние периоды в начале 1890-х гг. работали также сибирские временные санитарные отряды из командированных врачей и студентов-медиков¹. В связи с нарастанием миграционного потока, начиная с 1893 г., на линии железной дороги и главных водных путях стала возникать сеть врачебно-питательных, врачебно-амбулаторных, врачебно-остановочных и фельдшерских обсервационных пунктов, судовых врачебных и фельдшерских пунктов, санитарных вагонов.

Для обслуживания новоселов на местах поселения Министерство земледелия в начале XX в. стало оборудовать врачебные и фельдшерские пункты со специальными больничными помещениями. В связи с общей слабостью развития медицинской сети переселенческие учреждения вскоре вынуждены были взять на себя обслуживание не только мигрантов, но и местного старожилого населения. Оставаясь в ведомстве Переселенческого управления, с 1910–1912 гг. переселенческие медицинские пункты были включены в общую сеть сельских врачебных участков Сибири.

Медицинское и санитарное дело в Сибирском и Забайкальском казачьих войсках было подчинено военно-санитарному ведомству. В неслужебное время казачье население могло пользоваться также услугами медицинских учреждений гражданских ведомств. Вообще медико-санитарное обслуживание в казачьих станицах и поселках развивалось успешнее, чем в крестьянских селениях Сибири на всем протяжении изучаемой эпохи². В годы Первой мировой войны в Сибирском казачьем войске приступили к созданию своей медицинской организации и даже сумели расширить ее путем мобилизации врачей из запаса. В целом же медицинское обслуживание сельского населения Сибири в 1914–1917 гг. резко пошло на спад из-за той же мобилизации: большинство мужчин-врачей и фельдшеров с гражданской службы было уволено и отправлено в действующую армию, хотя с наплывом в Сибирь

¹ См.: Ядринцев Н. М. Народно-медицинская помощь и санитарные отряды в Сибири // Рус. ведомости. 1892. 11 июля.

² РГВИА, ф. 330, оп. 6, д. 30, л. 8; оп. 43, д. 1404, л. 27–32; Гречищев К. М. Здравоохранение в Омской губ. // Омская губ.: Здравоохранение. Народное образование. Омск, 1923. С. 425.

беженцев и пленных здесь ухудшилась эпидемическая обстановка.

Отмечая определенный прогресс медицинской сети в селениях, следует указать на ряд пороков «казенной» медицины, затруднявших эффективное осуществление обязанностей по профилактике и лечению заболеваний, санитарно-гигиеническому просвещению населения Сибири. Это бюрократический характер организации дела, крайне недостаточное его финансирование и материальное обеспечение, плохая оснащенность кадрами на всех уровнях, преобладание разъездной и фельдшерской медпомощи над стационарной врачебной, слабая увязка с народно-медицинской практикой местного населения¹. В результате множество деревенских жителей Сибири просто никогда не видело врачей, «не знало фельдшеров, старалось обходиться своими средствами; в селах ... пышно расцвело знахарство, и десятки тысяч несчастных больных мучились, болели, калечились и умирали или выздоравливали без всякой врачебной помощи», – как свидетельствовал один из авторитетных очевидцев-врачей².

В 1890-х гг., согласно отчетам наказного атамана, на территории Сибирского казачьего войска обращалось к официальному медицинскому обслуживанию немногим более 20 % населения³. В крестьянских местностях положение было гораздо хуже. В отчете по Томской губернской врачебной управе за 1882 г. значилось около 49 тыс. больных, получивших врачебную помощь. Между тем местные статистики считали, что всего больных в губернии в этом обычном году могло быть не менее 420 тыс.⁴

По примерным подсчетам доктора Н. А. Вигдорчика, обработавшего учетные карточки за 1898–1902 гг., медицинская помощь в сравнительно благополучном (примыкавшем к губернскому городу и железной дороге, небольшом по территории) 2-м врачебном участке Красноярского уезда Енисейской губернии в какой-то степени удовлетворяла потребность в лечении лишь одного из каждых девяти болевших крестьян. Вовсе не пользовалось помощью местной амбулатории или пользовалось ею очень мало 6/7 населения, в особенности люди, удаленные от города, железной дороги и центра врачебного участка. Даже малоэффективной разъездной помощью совсем не было обеспечено или было охвачено в минимальной степени 4/5 жителей, 52 из 71-го селения. В девять населенных пунктов ни врач, ни фельдшер не заглядывали ни разу в течение трех лет и более¹. В Приангарском участке Енисейской губернии в 1913–1915 гг. к помощи врача смогло прибегнуть не более 15 %

¹ ГАТО, ф. 3, оп. 2, д. 3934, л. 10–11, 118–119; оп. 13, д. 1221, л. 11–12; РГВИА, ф. 2000, оп. 3, д. 84, л. 111; Гречищев К. М. Здравоохранение // Сиб. советская энциклопедия. Новосибирск, 1931. Т. 2. Стб. 95–102; и др.

² Крутовский В. М. Очерки современного положения сельской врачебной помощи в Енисейской губ. Томск, 1902. С. 6.

³ РГВИА, ф. 330, оп. 43, д. 1404, л. 27–28; ф. 1450, оп. 6, д. 181, л. 27; и др.

⁴ Санитарное состояние Томской губ. за 1882 г. // ТГВ. 1883. 13 октября.

зарегистрированных больных, а ведь повсеместно в Сибири попадала в поле зрения медиков и регистрировалась лишь небольшая доля заболевших².

По официальным данным за 1911 г., во всех сельских лечебницах Сибири воспользовалось услугами врачей и фельдшеров в общей сложности 48 874 человек, или 5,5 % деревенского населения³. Некоторая часть пригородных крестьян могла, правда, попросить лечения еще и в городских больницах.

Суммируя данные по губерниям и областям, можно получить статистическую картину состояния медицинской сети в 1913 г., самом благоприятном за дооктябрьский период. На каждый из 225 врачебных участков Сибири приходилось в этом году в среднем 42 568 жителей и 26 180 кв. верст территории; средний радиус участка составлял 88 верст. На один из 336 самостоятельных фельдшерских пунктов в среднем приходилось 28 506 душ населения. В сельской местности работало всего 329 гражданских врачей (из них 26 женщин), 1262 фельдшера (220 женщин), здесь имелось лишь 77 аптек⁴. При деревенском населении Томской губернии в 1914 г. состояло только 104 акушерки – одна на 38 275 жителей⁵. Все приведенные показатели были очень плохими даже в сравнении с невысокими числами по другим регионам и по сельской местности России в целом: к концу 1913 г. каждый гражданский врач обслуживал в среднем около 20 300 деревенских жителей империи, на фельдшера приходилось в негородских поселениях 7500 человек⁶.

Оценивая качественные параметры медицинской сети в селениях Сибири, и исследователи, и наблюдатели практически единодушны в критичности выводов. Особые нарекания самих крестьян там, где они входили в соприкосновение с официальной медициной, вызывали неудобство географического расположения врачебных пунктов, теснота и непригодность больничных помещений, нерегулярность приемов, отсутствие самых необходимых лекарств и их дороговизна, недобросовестность и невежество части медперсонала, высокая стоимость лечения в городских больницах⁷.

¹ Вигдорчик Н. А. Заметки сибирского врача. Н. Новгород, 1905. С. 75–78, 85, 93–95.

² Буянов А. Б. Медицинская помощь населению Приангарского края Енисейской губ. // Сиб. врач. 1916. 2 октября.

³ Подсчитано относительно численности населения на 1 января 1912 г. по источнику: Отчет о состоянии народного здоровья и организации врачебной помощи в России за 1911 г. СПб., 1913. Ч. 2. С. 98, 120.

⁴ Подсчитано относительно численности населения на 1 января 1914 г. по источнику: Отчет о состоянии народного здоровья... за 1913 г. 1915. С. 58 (2-я паг.), 89–94, 98–99, 121–127 (3-я паг.).

⁵ Петровская Н. В. Родовспоможение в Сибири // Труды Первого Съезда врачей Сибири. Томск, 1926. С. 147.

⁶ Статистические материалы по состоянию народного здоровья и организации медицинской помощи в СССР за 1913–1923 гг. М., 1926. С. XIX–XX.

⁷ ГАТО, ф. 4, оп. 1, д. 418, л. 227, 436–437; Материалы для изучения экономического быта государственных крестьян и инородцев Западной Сибири. СПб., 1888. Вып. 1. С. 293–294; Колбасенко И. С. Станица Стретенская (Забайкальской обл.), ее народонаселение и санитарный быт.

В обязанность окружных, а затем участковых сельских врачей и подчиненного им персонала, кроме лечебной, входила **профилактическая работа**: наблюдение за санитарным состоянием селений, вакцинация жителей и т. д. Санитарный надзор был возложен также на уездную полицию – станových приставов. Однако реально сил администрации хватало лишь на составление протоколов о наиболее грубых нарушениях жителями санитарных правил и на издание строгих предписаний об очистке селений от навоза и устройстве холерных барачков, карантинных застав накануне ожидаемых эпидемий, что давало слабый эффект.

Единственной крупной и относительно результативной противоэпидемической мерой, осуществлявшейся в сельской местности, можно считать оспопрививание. Его производили частично фельдшеры и лекарские ученики, но главным образом – простые крестьяне, будучи принудительно «избранными» для этого волостным сходом, или вступив в добровольное соглашение с врачом, за небольшую плату.

Уже в период 1870-х – начала 1880-х гг. в городах и селениях Томской губернии, по официальным данным, профилактические прививки оспы получало более 1/3, иногда – до 2/3 новорожденных детей¹. В 1913 г. по Сибири в целом число прививок достигло 39,3 на 1000 человек населения. Удачными оказались 30,3 % прививок; ревакцинировано было 3,5 % жителей². Это явилось только частичным решением проблемы вакцинации: в сельской местности показатели были неудовлетворительными, оспопрививанием были слабо охвачены удаленные районы и старообрядчество, прививок от других заразных болезней в селениях почти не знали. В итоге очень часто те или иные местности Сибири, а то и всю ее заселенную территорию охватывали эпидемии натуральной оспы, дизентерии, тифа, дифтерита, скарлатины, кори, гриппа, коклюша; нередкими гостями были также малярия, сибирская язва, чума и холера.

Властям приходилось принимать экстраординарные меры. Так, в 1914 г. по просьбе медиков во всех тех поселках Сибирского казачьего войска, где наблюдались случаи оспы, производилась поголовная предохранительная прививка принудительным образом³.

Вслед за анализом «официальных» правового и медико-санитарного комплексов, влиявших на демографическое поведение крестьянства, логично обратиться к смежным комплексам из сферы традиционной народной культуры.

Русская народная (крестьянская, традиционная) культура имела множество

Хабаровск, 1899. С. 103; Сибирская хроника // Сибирь. 1883. 6 марта; и др.

¹ Подсчитано по: ГАТО, ф. 3, оп. 2, д. 3934, л.45, 186, 317, 425, 515, 574, 670. См. также: Санитарное состояние Томской губ. за 1882 г.

² Подсчитано относительно численности населения на 1 января 1914 г. по источнику: Отчет о состоянии народного здоровья... за 1913 г. С. 121, 123, 126.

³ См.: Отчет о состоянии Сибирского казачьего войска за 1914 г. Омск, 1915. Ч. 2 (гражд.). С. 78–79.

региональных, конфессиональных и субэтнических вариантов, в том числе и на территории Сибири. По мнению этнографов, для «демографических» аспектов общественного сознания сибиряков-старожилов в ряде местностей было характерно наличие архаических черт: известной свободы добрачных половых отношений, относительной самостоятельности женщин в семье, ярко выраженной власти «большой головы» (старшего мужчины) в домохозяйстве, подчиненности личных отношений общесемейным и общественным (общинным), сравнительно слабого влияния официальной православной церкви на быт и нравы и т. д.¹

Семья в традиционной цивилизации была, по словам Ф. Энгельса, «важнейшим, решающим общественным отношением»², и это выражалось во всем строе жизни, в обрядах, фольклоре. Характерно, например, что, стремясь заглянуть в будущее при гаданиях и в какой-то мере воздействовать на него, молодые крестьянки, прежде всего, выясняли, кто будет их суженым, когда они выйдут замуж и сколько лет проживут, как много будет детей в семье, не умрет ли кто-нибудь из близких в будущем году³.

Неизбежные коллизии внутри многолюдной семьи на основе обычая и анализа конкретных обстоятельств, как правило, разрешал «большак» – глава домохозяйства, а в рамках сельского сообщества – сход (совет, сходка, согласие, общее собрание) соседей, сородичей или однообщинников, религиозный собор у старообрядцев. Значение этих традиционных институтов в изучаемую эпоху в целом падало, но в отдаленных от городов и крупных транспортных магистралей местностях Сибири они сохраняли свой авторитет вплоть до начала XX в. Например, у алтайских кержаков, по данным 1912 г., продолжали собираться для выяснения религиозных и семейных вопросов соборы, «постановления которых для истого старообрядца стоят гораздо выше всяких гражданских законов»⁴.

Итак, **нормы обычного права**, соционормативная культура воспроизводились в русской деревне во взаимодействии семьи и территориальной общины, с участием религиозной общины и разного рода малых контактных общностей (половозрастных, родственных, соседских, хозяйственных), имевших выход на общественное мнение общины в целом и бывших, в конечном счете, тоже проявлениями жизни территориальной (сельской) общины⁵.

¹ См.: Крестьянство Сибири в эпоху капитализма. Новосибирск, 1983. С. 318–327; Сабурова Л. М. Культура и быт русского населения Приангарья (конец XIX – XX вв.). Л., 1967. С. 275–276; Сафьянова А. В. Внутренний строй русской сельской семьи Алтайского края во второй половине XIX – начале XX вв. // Русские: семейный и общественный быт. М., 1989. С. 91–110; и др.

² Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. М., 1956. Т. 5. С. 508.

³ АРГО, разр. 59, оп. 1, д. 17, л. 14–18; ОРРГБ, к. 542, п. 86, № 36, л. 79; АИЭА, ф. ОЛЕАЭ, д. 69, л. 13; Деревенские суеверия // ВО. 1902. 17 июля; и др.

⁴ Новоселов А. Е. У старообрядцев Алтая. Омск, 1913. С. 12.

⁵ См.: Громыко М. М. Традиционные нормы поведения и формы общения русских крестьян XIX в. М., 1986. С. 267–275.

Однако изучение источников второй половины XIX – начала XX вв. создает впечатление, что община в Сибири не была все же таким авторитетным механизмом, как в центре России. Ее установки в сфере демографического и социализирующего поведения не были столь же определенными, допускали в более широких границах индивидуальные и групповые варианты поведения. Это было связано, видимо, с известной слабостью поземельной сибирской общины, к началу XX в. еще не завершившей процесс своего становления, но уже разлагавшейся под влиянием развития капитализма преимущественно по американскому пути.

Официальное законодательство не только допускало возможность существования обычного права, но и прямо предписывало низшим органам управления крестьянами учитывать его в своей деятельности или прямо руководствоваться им (например, при решении дел в волостных судах). Однако на практике в основной части сибирских селений гармоничного взаимодействия официального и обычного права не получилось. Развилась «бессудность» многих крестьянских дел, когда сельчане были «лишены возможности наперед знать, что допустимо и что недопустимо в сфере их личных и имущественных отношений» (по словам одного крестьянского начальника с Алтая)¹. Причинами такого положения дел явились: 1) слабая разработанность обычного права применительно к некоторым сферам гражданской жизни в предшествующую эпоху; 2) относительно быстрые изменения жизни деревни при капитализме, за которыми не поспевало развитие традиции; 3) столкновения различных обычно-правовых норм в результате смешения в ходе миграций разнородного по происхождению населения; 4) законодательная неопределенность соотношения норм государственного и обычного права как основы решения многих конкретных вопросов, некомпетентное вмешательство администрации в дела крестьянского самоуправления; 5) порочная практика самих органов самоуправления, под давлением заинтересованных лиц решавших многие дела «за магарыч, а не по совести»².

Достаточно глубокое развитие в Сибири получила народная медицина, имевшая реальные достижения, особенно в области фитотерапии, психотерапии, лечебного массажа, в лечении переломов, вывихов, ушибов, и потому пользовавшаяся доверием и авторитетом у большей части населения³. Известно в то же время, что народная медицина содержала

¹ ЦХАФАК, ф. 184, оп. 1, д. 109, л. 81.

² ТФГАТюмО, ф. 335, оп. 1, д. 103, л. 21. См. также: Материалы для изучения... 1889. Вып. 4. С. 154; Труды местных Комитетов о нуждах сельскохозяйственной промышленности. СПб., 1904. Т. 56. С. 228–229.

³ См.: Крестьянство Сибири в эпоху капитализма. С. 340–346; Этнография восточных славян: Очерки традиционной культуры. М., 1987. С. 491–497; Лебедева А. А. Использование дикорастущих растений и минералов русскими Сибири в XVIII – начале XX вв. // СЭ. 1988. № 2. С. 78–90; Болонев Ф. Ф. О народной медицине и заговорах русского населения Забайкалья // Генезис и эволюция этнических культур Сибири. Новосибирск, 1986. С. 114–129.

множество совершенно бесполезных и даже вредных для здоровья и жизни людей приемов и «средствивев». Резкой критике специалистов подвергались, например, народное акушерство сибиряков с его универсальным горшком на живот, подвешиванием рожениц к потолку и резким встряхиванием, питьем из пороха, размешанного в воде, подпольный деревенский абортарий, многие убийственные педиатрические средства¹. В условиях второй половины XIX – начала XX вв. народно-медицинская практика уже не могла полностью удовлетворять потребности населения в охране здоровья.

Распространенность эпидемий, вообще здоровье и, в конечном счете, продолжительность жизни населения зависели также от **санитарно-гигиенической культуры крестьянства**, которая ярче всего выражалась в гигиене населенных пунктов, дворов и жилищ.

Положительными, с этой точки зрения, качествами селений Сибири являлось довольно свободное, нескученное расположение большинства из них на достаточном удалении друг от друга, вблизи от лесных массивов и естественных водоемов, чаще всего с проточной водой. Многочисленные источники заставляют, однако, обратить внимание и на другую сторону дела. Огороженные поскотинами окрестности и улицы сибирских селений были сильно загрязнены навозом и бытовым мусором. Накапливавшийся в огромных количествах в скотных дворах, навоз часто использовался для заваливания оврагов и ложбин, возвышения низких улиц, укрепления речных берегов, для строительства запруд и мельничных плотин. Нечистоты пропитывали почву под жилыми усадьбами, создавали благоприятную среду для распространения заразы, особенно жарким летом.

Глубокие и чистые колодцы имелись в немногих селениях. По данным начала XX в. из Томской губернии, один колодец у переселенцев обслуживал 3,6 двора, у старожилов – 2,7². Во многих случаях крестьяне брали воду для питья и приготовления пищи из открытых водоемов, зачастую загрязненных при сваливании в них отходов, при стирке белья, поении и купании скота, вымачивании льна, пеньки и холста. В начале века менее 40 % таких водоисточников содержалось удовлетворительно³. В некоторых местностях, чаще всего в переселенческих поселках, жителям доводилось даже устраивать для себя ямы-копанки, где скапливалась дождевая и болотная влага⁴.

¹ См.: Кривошапкин М. Ф. Енисейский окр. и его жизнь. СПб., 1865. Т. 2. С. 1–12; Р-ва. Из дневника окружной акушерки // Сибирь. 1886. 16 марта; 1887. 31 мая; Савельев А. А. Народная медицина в Приангарском крае // Сиб. врач. 1915. 19 апреля; 3 мая; 17 мая.

² Нагнибеда В. Я. Положение переселенцев и колонизационная практика в Сибкрае // Труды Первого Сибирского краевого научно-исследовательского съезда. Новосибирск, 1928. Т. 5. С. 161.

³ Гаркунов И. К. Сельское водоснабжение Сибирского края. Новосибирск, 1929. С. 51–58.

⁴ См.: Обозненко П. Е. Очерки санитарного состояния селений переселенцев-новоселов Омского уезда Акмолинской обл. // Врач. 1898. 2 мая; Пономарев А. А. Водоснабжение Томского уезда // СМЖ. 1925. № 2. С. 38–39.

В редких селениях отводились специальные места для свалок и захоронения павшего скота. Бывало, что трупы погибших от заразы животных бросали не погребенными или небрежно забрасывали землей поблизости, а снятые кожи вымачивали в ближайших водоисточниках, вывозили на продажу, и это служило причиной эпидемий и эпизоотии. Рассказывая о сибирских селах, наблюдатели отмечали: «... нигде не видно садов, палисадников или цветников» (исключением в конце XIX – начале XX вв. стали некоторые поселки переселенцев с юга России); «... деревенские улицы не мощены, в засуху они пыльны, в ненастье грязны до невозможности»¹.

Жилищные условия сибиряка обычно высоко оценивались людьми, имевшими возможность сравнивать крестьянский быт к востоку и западу от Урала. «Его изба с довольно объемистыми комнатами не походит на хату русского крестьянина или на мазанку малоросса. Курных изб с почерневшими стенами здесь нет, комнаты содержатся чисто, и крестьянин средней руки имеет их 2–4, из которых одна служит гостиной, “светелкой”, и убрана лучше других. Все комнаты оклеены обоями, но полы обыкновенно некрашенные. <...> Богатые же между сибиряками живут просто роскошно», – писал, например, в 1888 г. С. К. Патканов, один из руководителей обследования сельского быта в Тобольской губернии².

Внимательный анализ источников позволяет выявить ряд действительных достоинств домашнего санитарного быта большинства русских крестьян-сибиряков: 1) относительно большие размеры домов, хорошее качество срубов, тесовых крыш; 2) дворовые постройки, притоны для скота обычно не примыкали к жилью, не стояли с ним под одной кровлей, при доме имелись погреба, амбары и стайки; 3) наличие деревянных полов, в том числе крашенных, достаточно большое количество окон; 4) сравнительная чистота и опрятность жилищ, достигаемые тем, что в них редко содержались животные, регулярно производилась капитальная уборка, полы покрывались половиками, хвоей или посыпались чистым песком; 5) наличие собственных бань примерно в половине дворов и т. д.

Крестьянская изба со временем эволюционировала в Сибири в лучшую сторону. Так, в Качугском районе Иркутского округа по данным обследования 1920-х гг. есть возможность сравнивать жилища, построенные в разные периоды, начиная с 1860–1870-х гг. и заканчивая 1915–1920 гг. Средняя высота потолка жилых помещений увеличилась здесь за это время с 230 до 252 см; средняя площадь – от 33,5 до 42,7 кв. м; объем – от 77,0 до 106,3 куб. м. Количество строений, имевших недопустимо низкий световой коэффициент (отношение

¹ Латкин Н. В. Красноярский окр. Енисейской губ. СПб., 1890. С. 43. См. также: Сумкин М. В. В Сибирь за землю: Записки ходока. М., 1908. С. 15; ГАЧО, ф. 41, оп. 2, д. 24, л. 1–2; РГВИА, ф. 2000, оп. 3, д. 84, л. 84.

² Материалы для изучения... Вып. 1. С. 53–54. См. также: ГАНО, ф. Д-51, оп. 1, д. 2, л. 149–161; Турбин С. И. Сибирь: краткое землеописание. СПб., 1871. С. 48; Абрамов Н. А. Город Ялуторовск с

площади окон к площади пола) менее 1/25, сократилось с 38 до 16 %, соответственно, с 15 до 39 % увеличилось число домов с удовлетворительным световым коэффициентом – 1/15 и выше. «Эволюция сказалась на улучшении всех основных санитарных показателей изб...», – с полным правом констатировали исследователи¹.

Однако ограничиться такими усредненными показателями в данном случае невозможно. В реальности велики были различия жилищных и прочих бытовых условий в разных социальных слоях и группах, сословных категориях жителей, в различных местностях Сибири. При этом неблагоприятная обстановка наблюдалась в поселках и избах недавних переселенцев, особенно в степной полосе. Обследования начала XX столетия в Томской губернии дали сравнимые показатели по старожилам и новоселам. У последних оказались значительно хуже обеспеченность людей жильем, качество жилых строений, гигиена жилищ. Лишь средняя площадь усадьбы и расстояние между строениями на ней у переселенцев были лучше, что оберегало их от пожаров (табл. 3).

Таблица 3

**Жилищные условия основных категорий русского крестьянства Томской губ.
(начало XX в.)²**

Показатели жилищных условий	Старожилы	Новоселы
Количество жилых строений, %:		
деревянных	95,7	66,2
земляных	3,6	25,3
каменных, саманных, глинобитных	0,7	8,5
содержащих зимою скот	16,8	49,6
сырых (проникает вода)	41,4	55,1
Объем жилого помещения, куб. м на		
Световая площадь в одном жилище, кв. м	5,0	2,4
Количество крыш, %:		
огнестойких (железо, черепица, толь)	4,1	2,4
деревянных	83,6	65,4
наиболее огнеопасных (солома)	12,3	32,2
Площадь усадьбы, а	38,0	75,2
Расстояние между жилыми строениями, м	17,9	36,5

В данном случае играли свою роль не только состояние санитарно-гигиенической культуры, но и сравнительные экономические возможности крестьянского двора – они у недавних переселенцев были несравненно хуже. В источниках имеются многочисленные

его округом // ТобГВ. 1864. № 25–29; и др.

¹ Кононов Н. М. Жилищные условия крестьян Иркутского окр. // СМЖ. 1928. № 6/7. С. 36.

² Таблица составлена по данным: Нагнибеда В. Я. Положение переселенцев и колонизационная практика в Сибкрае // Труды Первого Сибирского краевого научно-исследовательского съезда. Новосибирск, 1928. Т. 5. С. 160–161. Показатели, выраженные в русских мерах, переведены в

прямые указания на то, что заболеваемость и смертность были непомерно высоки в нижнем социальном слое в связи с неблагоприятными санитарно-гигиеническим состоянием дворов и жилищ, а также плохой обувью, одеждой и тяжелыми условиями труда¹. Довольно частыми бывали в деревнях туберкулез, чесотка и особенно трахома – болезни людей, живущих в антисанитарных условиях.

Основные санитарно-гигиенические недостатки дворов и жилищ заключались в следующем: 1) абсолютно преобладали одно- и двухкамерные строения с недостаточными жилой площадью, высотой и освещенностью помещений; 2) почти полностью отсутствовали во дворах хотя бы примитивные ассенизационные установки (туалеты), а в домах – фундаменты, водоизолированные погреба, вентиляционные устройства, нередко и вторые рамы в окнах; 3) были распространены сырость и паразиты (тараканы, клопы), отсутствовали противомаларийные сетки; 4) довольно высокий удельный вес имел устаревший и обветшавший жилой фонд, вплоть до курных изб в начале изучаемого периода, а в степной полосе – жилищ из суррогатных материалов; 5) бани имели самую примитивную конструкцию и в своем большинстве были приспособлены для того, чтобы париться, но не для мытья; 6) отсутствовали гигиенические условия для сна: в доме обычно имелась лишь одна кровать для домохозяина и его супруги.

Что касается одежды и постельного белья, то для всей Сибири в общих чертах применима характеристика врача Ф. Ф. Шперка, данная в Верхоленском округе Иркутской губернии на рубеже 60–70-х гг. XIX в.: «... за исключением небольшого числа очень бедных, все крестьяне имеют довольно лопати (т. е. одежды) и обуви, одеваются сообразно времени года и зимой почти все имеют достаточно теплую одежду; но не соблюдают необходимой чистоты в ней, в особенности у них в пренебрежении вещи для спанья, так что большая часть спит или на грязном войлоке, или, что чаще, на голых полатях и лавках, собирая под себя теплую одежду и укрываясь ею; под голову кладется донельзя загрязненная подушка; такой же небрежный уход, если не хуже, за колыбелью ребенка и его бельем»². Санитарное состояние постелей, белья, одежды с течением времени улучшалось.

Значительную часть зимнего периода те из сельских детей, что обучались в официальных школах, проводили в классных помещениях. Из года в год в отчетах медицинских органов Министерства внутренних дел, в других источниках сельские школы Сибири признавались самыми неблагополучными в санитарно-гигиеническом отношении.

метрические единицы.

¹ ГАЧО, ф. 4, оп. 1, д. 130, л. 74–76, 85–90; Материалы для изучения... 1889. Вып. 2. С. 19; Отчет о состоянии народного здоровья... за 1903 г. 1905. С. 40; Неклепаев И. Я. Народная медицина в Сургутском крае. СПб., 1900. С. 17.

² Шперк Ф. Ф. Верхоленский окр. Иркутской губ. // Медико-топографический сборник. СПб.,

Теснота, отсутствие вентиляции, плохое отопление, слабое и неправильно устроенное освещение, ветхость помещений, отсутствие туалетов – все эти недостатки большинства училищ отнюдь не способствовали сохранению здоровья и гигиеническому воспитанию крестьянских и казачьих детей¹.

Питание сибирских крестьян, будучи сопоставленным с таковым у деревенских жителей европейского центра России, «показывает несомненное превосходство сибиряка: разнообразие в пище, чистота приготовления, питательность»². Так считали очевидцы-путешественники, это же подтверждали специалисты-медики. А. И. Ремезов писал: «Едва ли ни единственное отрадное явление в санитарном отношении представляет в Западной Сибири продовольствие жителей»³. В. П. Гедройц-Юраго прямо считал, что высокая доля стариков в сельском старожилом населении Сибири обязана своим происхождением слабому развитию отхожих промыслов и фабричной промышленности с их вредным влиянием на здоровье работников, «в особенности же обилию, разнообразности и доступности пищевых веществ»⁴.

Однако ситуацию и в этой сфере не следует идеализировать. Во-первых, в обширных местностях Сибири довольно часто случались неурожаи, массовые падежи скота, и тогда значительная часть сельского населения испытывала недоедание. Во-вторых, сказывалась социальная дифференциация. Если пища богатых и зажиточных бывала временами чересчур обильной, то беднота большую часть года питалась впроголодь, использовала пищевые суррогаты. В-третьих, в течение года количество и качество пищи распределялось очень неравномерно. Наилучшим временем были осень и зима; летом же, особенно в июне, когда старый урожай «подобрался, приелся», а новый еще не поспел, для многих было голодное время. У крестьян повсеместно бытовала поговорка о времени летнего поста: «Петровки – голодовки».

О количественных и качественных показателях пищевого потребления общее представление дают материалы массовых экономических обследований крестьянских хозяйств. В частности, в 1911–1913 гг. по Томской губернии среднегодовое потребление на душу старожильческого населения составляло: хлеба – 27,5 пуда, мяса – 1,9, молока – 10,8,

1870. Т. 1. С. 160.

¹ ЦХАФАК, ф. 3, оп. 1, д. 9, л. 2–3; д. 37, л. 7; ф. 807, оп. 1, д. 200, л. 2–3; ГАКК, ф. 184, оп. 1, д. 122, л. 21; ГАИО, ф. 193, оп. 1, д. 8, л. 23–24; д. 30, л. 12; ГАТО, ф. 146, оп. 1, д. 19, л. 2128.

² Петропавловский Н. Е. По Ишиму и Тоболу // Записки ЗСОРГО. Омск, 1886. Кн. 8. Вып. 1. С. 36. См. также: Максимов С. В. На Востоке: Поездка на Амур (в 1860–1861 гг.). СПб., 1864. С. 121; Материалы для изучения... 1892. Вып. 17. С. 85–86; и др.

³ Ремезов А. И. Очерк санитарного состояния Западной Сибири. Омск, 1880. С. 54.

⁴ Гедройц-Юраго В. П. Санитарно-статистический очерк 3-го участка Сибирского казачьего войска (1878–1887 гг.) // Протоколы Омского медицинского общества, 1889–1890 г. Омск, 1890. № 8. С. 134–135.

масла – 0,1 пуда. В других губерниях и областях Сибири молока выпивалось крестьянами-старожилами от 6,5 до 15 пудов, масла потреблялось от 0,1 до 0,2 пуда на душу; новоселами соответственно 5,5–13 и до 0,15 пуда¹.

Вообще выделяется предпочтительное положение старожилов: по всем показателям питание новоселов заметно им уступало (табл. 4). Переселенцы в Сибири первые годы питались хуже, чем на родине, в рационе у них имелось больше растительной пищи и меньше мясной, больше углеводов и отчасти белков, меньше жиров. Питание заметно улучшалось спустя 5–7 лет после переезда. За год новоселы, в пересчете на одного человека, съедали дополнительно к тому, чем располагали на родине, 1 пуд разной растительной пищи, 2,9 пуда мучного и 0,11 пуда приправ, оставляя потребление животных продуктов почти одинаковым².

Таблица 4

Пищевое потребление русских крестьян Томской губ. (1911–1913 гг.), в среднем на одного человека³

Потребляемые полезные вещества и продукты	Старожилы	Новоселы
<i>Полезных веществ за сутки, г</i>		
Углеводы и другие безазотистые вещества	901,71	763,15
Белки	183,45	145,53
Жиры	42,28	32,39
Итого:	1127,44	941,07
<i>Продуктов питания в год, пудов</i>		
Растительная пища	34,85	31,39
в том числе мука	24,21	19,65
Животные продукты	13,66	9,56
Приправы	1,14	0,86
Итого:	49,65	41,81

Суточный рацион сибиряка был более обильным, чем у крестьян Европейской России: томский старожил в среднем потреблял почти на 50 г больше белка, почти на 10 г – жиров, на 207 г – углеводов и прочих безазотистых веществ, чем переселенец на родине¹. Однако баланс питательных веществ, качество приготовления пищи во многих домохозяйствах

¹ Алексеева В. К. Уровень жизни населения Сибири и Дальнего Востока накануне Великой Октябрьской социалистической революции // Хозяйственное освоение Сибири и рост ее народонаселения (XVIII–XX вв.). Новосибирск, 1979. С. 159–160 (табл. 2, 3).

² Подсчитано по источникам: Нагнибеда В. Я. Питание населения Томской губ. // Записки Томского губисполкома и ГубЭСО. Томск, 1923. № 2. С. 26; Он же. Положение переселенцев... С. 161.

³ Таблица составлена по данным: Нагнибеда В. Я. Питание населения Томской губ. // Записки Томского губисполкома и ГубЭСО. Томск, 1923. № 2. С. 26.

сибиряков не могли считаться хорошими. Желудочные заболевания, болезни печени и почек в деревнях были обычным явлением. Особенно резкую критику специалистов вызывали и пища, и антигигиенические способы кормления грудных детей².

5.2. Социокультурное возобновление поколений

Перейдем к культурологическим условиям социального воспроизводства населения. Народная культура в широком смысле, как совокупность всех материальных и духовных продуктов деятельности народа, собственно, и являлась предметом передачи от одного поколения к другому в ходе социализации последнего. Кроме того, она содержала в себе программы социализирующего поведения, а также средства и способы реализации таких программ. Поэтому здесь уместно хотя бы кратко охарактеризовать актуальные аспекты народного обычного права и народной педагогики – тех частей культуры, что непосредственно «обслуживали» потребности социализации.

Выше уже говорилось о важной роли обычного права как регулятора брачных и семейных отношений у русского крестьянства Сибири второй половины XIX – начала XX вв. В **народной юридической практике** большое внимание уделялось не только гражданскому праву, но также вопросам уголовного права. Проблематика девиантного поведения сельской молодежи не может рассматриваться без учета этого факта. Народное право на основе традиции определяло границы между добропорядочным – соответствующим традиционной норме – и отклоняющимся поведением; устанавливало и контролировало общественные, родственные, родительские санкции, которые были призваны пресекать отклонения. Однако вмешательство правовых механизмов в повседневное поведение молодежи было сравнительно нечастым, поскольку экстраординарным было девиантное поведение. Главным средством социального контроля за образом жизни сельчан в традиционном обществе был обычай – унаследованный от предков стереотипный способ поведения, который превращался в ходе социализации во внутреннюю потребность субъекта и не ощущался, таким образом, как нечто, подавляющее волю, требующее внешнего контроля³.

В то же время при капитализме начался переход от традиционного к современному типу социальной регуляции поведения через специально созданные с этой целью институты – формализованные нормы поведения, воспитательные, судебные, пенитенциарные

¹ Подсчитано по тем же источникам.

² См.: Костров Н. А. Первоначальное физическое воспитание детей в населении Томской губ. // Сибирь. 1881. 24 мая; Никитенко В. Верхоленинский окр. в прошлом столетии // Врачебно-санитарная хроника Иркутской губ. 1916. № 10. С. 28–29; и др.

³ Подробнее см.: Гофман А. Б., Левкович В. П. Обычай как форма социальной регуляции // СЭ. 1973. № 1. С. 14–24.

учреждения, через идущую из городов моду и т. д. Фактически уже в конце XIX – начале XX вв. в основной части сибирских селений существовал переходный тип социальной регуляции поведения, для которого было характерно «междущарствие»: традиция, обычай, обряды, сильно разложившиеся и противоречивые, теряли свою силу, а «современные» институты лишь создавались. В этот период фактической бесконтрольности была велика опасность дезорганизации социального поведения в молодежной среде, что и намечалось в Сибири. Усиление пьянства, хулиганства, воровства, распутства молодежи в свою очередь потребовало ускоренного создания и активизации деятельности новых механизмов социализации и общественного контроля – официальных школ, волостных (станичных) и мировых судов, земской полиции и т. д.

Исследователи подчеркивают большое разнообразие имевшихся в русских семьях **народно-педагогических средств и приемов**, их высокую эффективность, глубокую укорененность как в специфике религиозного мировосприятия, так и в сугубо практических потребностях крестьянского домохозяйства, сельского сообщества в целом¹. Как и в народной медицине, в русской этнопедагогике Сибири практические действия получили лишь частичное теоретическое осмысление, к тому же не всегда адекватное реальности, и это отрицательно сказывалось на самой практике. Народные педагогические знания, умения и навыки повсюду представляли собой не столько цельную систему, сколько сумму, совокупность с такими недостатками, как фрагментарность, случайность, противоречивость².

В изучаемую эпоху выработанные веками педагогические средства, в принципе призванные обслуживать потребности докапиталистического общества, часто оказывались недостаточными. Определенное развитие получила **система официального школьного и внешкольного образования**, просвещения и воспитания. Прежде всего, она была представлена сельскими начальными училищами различной ведомственной принадлежности.

Данные о количестве начальных училищ в Сибири 60-х – начала 90-х гг. XIX в. неполны и часто противоречивы. В четырех губерниях к 1871 г. официальный источник показал 82 приходские школы с 4703 учениками и 107 школ духовного ведомства с 1989 учащимися. Сибирь находилась в это время на последнем месте в стране среди крупных регионов по основным показателям развития официальной школьной сети: одна школа приходилась здесь на 23,4 тыс., один учащийся на 664 тыс. жителей, что было хуже соответствующих

¹ См.: Миненко Н. А. Культура русских крестьян Зауралья, XVIII – первая половина XIX в. М., 1991. С. 105–144; Мельников М. Н. Поиски сокровищ: Записки фольклориста. Новосибирск, 1985. С. 41–74; и др.

² См.: Волков Г. Н. Педагогика жизни. Чебоксары, 1989. С. 133.

показателей по земским губерниям Европейской России в 4–5 раз¹.

Период либерально-буржуазного реформирования России после 1861 г. характеризовался определенным всплеском активности Министерства народного просвещения (МНП), ведомства православного исповедания и других ведомств в деле развития народного образования и просвещения. Однако достигнутые успехи имели применительно к Сибири больше символический характер. Как и в деле медицинского обслуживания населения, наименьшими они были в районах, находившихся под управлением Кабинета, где сохранялись наибольшие пережитки феодализма в области надстройки. Если на каждое из 149 сельских училищ Томской губернии, взятой в целом, приходилось в 1882 г. 5,8 тыс. человек населения, на каждого из 3,5 тыс. учащихся – 24 мальчика и 108 девочек школьного возраста, не посещавших официальную школу, то в Алтайском горном округе соответствующие показатели равнялись примерно 10 тыс. человек, 29 мальчикам и 287 девочкам. И это несмотря на то, что в ведомстве Кабинета функционировало к 1882 г. при рудниках и заводах 11 горнозаводских школ, доступных для поступления крестьянских детей². Сделанный А. И. Ефимовым на основе официальных статистических данных вывод о «запущенности и отставании» во второй половине XIX в. школьного и медицинского дела в Алтайском горном округе хотя бы по сравнению с наиболее освоенными районами государственного землевладения в Сибири полностью подтверждаются также материалами, обобщенными в работах П. А. Голубева и С. Мартынова³.

К середине 1890-х гг. в селениях Сибири окончательно формируются три основные группы начальных училищ, различавшиеся по их ведомственной принадлежности, частично также – по срокам и программе обучения. Прежде всего, это школы МНП («министерские») – приходские училища по уставу 1828 г. и «образцовые» сельские училища по инструкции 1875 г. Они могли быть одноклассными и двухклассными, имели продолжительность обучения соответственно три-четыре и пять лет. С 1894 г. все приходские и сельские училища Сибири, кроме принадлежавших духовному ведомству, в учебном отношении стали передаваться в ведение МНП, хотя в хозяйственном и административном отношении некоторые из них и позже подлежали ведомству Министерства земледелия и государственных имуществ, Министерства внутренних дел, Министерства путей сообщения.

¹ Военно-статистический сборник / Под общ. ред. Н. Н. Обручева. СПб., 1871. Вып. 4. С. 883–884.

² Ефимов А. И. Народная школа в Томской губ. // Сиб. газета. 1883. 22 мая. Школьный возраст по этому источнику включает детей обоего пола 7–12 лет, составлявших 15 % всего населения.

³ См.: Голубев П. А. Народное образование // Алтай: Ист.-стат. сб. по вопросам эконом. и гражд. развития Алтайского горн. окр. Томск, 1890. С. 236–298; Мартынов С. Санитарно-медицинская часть на Алтае // Там же. С. 192–22.

Начальные училища Алтайского горного округа работали на основе особых положений в рамках горнозаводского ведомства вплоть до полной передачи их в полное ведение МНП в начале XX в.

Наряду с «министерскими» до октября 1917 г. продолжали существовать училища ведомства православного исповедания – школы грамоты и церковно-приходские школы. Наиболее интенсивное их развитие наблюдалось в конце XIX в. после утверждения в 1884 г. «Правил» о них. В школах грамоты дети учились один-два года, в одноклассных церковно-приходских школах – два, в двухклассных – три-четыре года.

Наконец, на территории расселения казачьих войск в Сибири действовали под эгидой военного ведомства станичные и поселковые казачьи школы. В 1860-х гг. положениями о службе было установлено обязательное обучение казачьих мальчиков в таких школах, позже власти принимали решения о «возможно большем» привлечении девочек, но эти меры в действительности не были осуществлены до конца даже к 1917 г. И все же сеть начальных училищ на казачьих землях была гораздо более развитой, чем в крестьянских селениях. Согласно отчету Главного управления казачьих войск за 1894 г., в Сибирском войске на одно учебное заведение приходилось 816 душ населения, в низших учебных заведениях обучалось 46,6 % войскового населения. В Забайкальском войске на каждое учебное заведение приходилось 1406 человек, доля учившихся в населении составляла 21,7 %¹. По срокам обучения казачьи школы соответствовали училищам МНП, с середины 1890-х гг. считались подчиненными этому ведомству в учебном отношении. Фактически же не только хозяйственные дела в казачьих училищах, но и вопросы учебного процесса и позже решали войсковые правления.

Содержались начальные школы всех типов в основном на средства крестьянских и казачьих обществ, подспорьем же служили суммы, выделяемые из ведомственных бюджетов, частные пожертвования благотворителей, расходы родителей учеников. К середине 1890-х гг. наилучшее в Сибири положение школьного дела отмечалось в Иркутской губернии, Западная Сибирь (крестьянские районы) занимала одно из последних мест среди учебных округов империи².

Сооружение Сибирской железной дороги и рост переселенческого движения в конце XIX – начале XX вв. актуализировали для царизма задачу культурного развития сибирского населения. Один из идеологов государственной политики, А. Н. Куломзин, сформулировал смысл последующих мероприятий: борьба с опасностями культурного «одичания» и регионального сепаратизма путем усиленного строительства церквей и школ, призванных

¹ РГВИА, ф. 1468, оп. 1, д. 157, л. 122–124.

² См.: Куломзин А. Н. Потребности начального образования в Сибири: Всеподданнейший доклад

служить основными каналами духовного единения Сибири с метрополией¹. С конца века начинается период наиболее плодотворного развития школьной сети в селениях. Впечатляет количественный рост: с 1894 по 1911 г. число официальных сельских училищ выросло здесь в 2,5 раза, количество учеников в них – в 4,4, в том числе девочек – в 5,8 раз (табл. 5). Увеличение числа школ и учащихся в сельской местности происходило в это время несколько быстрее, чем в городах Сибири, и в три раза более быстрыми темпами, чем в селениях Европейской России.

Таблица 5

Развитие сети начальных училищ в Сибири (конец XIX – начало XX вв.)²

Показатель состояния школьной сети	1894 г.		1911 г.	
	В целом по Сибири	В т. ч. в селениях	В целом по Сибири	В т. ч. в селениях
Количество официальных школ, абс.	2124	1908	5397	4848
Количество учащихся, абс. В том числе:	63 749	51 220	268 183	223 137
мальчиков	48 205	40 572	186 715	161 617
девочек	15 544	10 648	81 468	61 520
Количество жителей, приходившихся на 1 школу ³	2871	2850	1875	2034
Число учащихся, приходившихся на 1 школу	30,0	26,8	49,7	46,0
Доля учащихся среди детей школьного возраста, % ⁴	8,0	6,9	19,6	16,5

Программы и насаждаемые методы обучения в сельских начальных школах не предусматривали закладывания основы для последующего более глубокого образования. Общеобразовательные обязательные предметы – русский язык, чистописание, арифметика – должны были давать детям элементарные навыки чтения, письма и счета. Принятая в 1897 г. «примерная программа» предметов, преподаваемых в училищах МНП, предписывала в

по поездкам в Сибирь 1896–1897 гг. СПб., 1898. С. 6.

¹ Там же. С. 41–45; Куломзин А. Н. Всеподданнейший отчет по поездке в Сибирь для ознакомления с положением переселенческого дела. СПб., 1896. С. 124–125.

² Подсчитано по источнику: Однодневная перепись школ Российской империи, произведенная 18 января 1911 г. Пг., 1916. Вып. 16. С. 22, 54, 56. Данные таблиц 5 и 6 относятся к территории Тобольской, Томской, Енисейской и Иркутской губерний, Акмолинской, Семипалатинской, Забайкальской и Якутской областей.

³ Рассчитано относительно численности населения на 1 января 1894 и 1911 гг. См.: Отчет Медицинского департамента Министерства внутренних дел за 1893–1895 гг. СПб., 1898. Ч. 1. С. 126–277; Отчет о состоянии народного здоровья и организации врачебной помощи в России за 1910 г. СПб., 1912. С. 66–67, 91–94.

⁴ Рассчитано с учетом возрастной структуры населения, зафиксированной в 1897 г. всеобщей переписью. Школьным считается возраст у мальчиков 7–13, у девочек – 7–11 лет.

последние годы обучения, кроме текстов религиозно-нравственного содержания и художественной литературы, читать в школе «статьи по истории и географии России, как содействующие развитию в детях патриотизма и ознакомлению с родиной, статьи по естествознанию, имеющие отношение к сельскому хозяйству, по гигиене и другие деловые статьи, помещенные в классной хрестоматии»¹.

Наряду с элементарными образовательными задачами, официальные училища призваны были решать вопросы воспитания детей в определенном духе. Особенно настойчиво этот аспект в деятельности школ выдвигался на передний план ведомством православного исповедания. По словам обер-прокурора Синода К. П. Победоносцева, церковная школа «стремится к тому, чтобы пробудить и укрепить в своих питомцах живое благочестие в духе православной церкви, расположение к ее установлениям и заветам, насадить и развить любовь к родителям и чувство самоотверженной преданности Царю и Престолу, предохранить от дурного влияния среды». На решение этих задач глава духовного ведомства требовал направить «весь распорядок» школьной жизни, «всю школьную обстановку», учебный интерьер, обязательные молитвы и т. д.²

Главными среди обязательных предметов были закон Божий и церковнославянская грамота. Вместе с церковным пением они занимали абсолютное большинство учебного времени в школах духовного ведомства и почти половину – в «министерских» по программе 1897 г. Учителя обязаны были подбирать духовное чтение для уроков русского языка, отечественную историю толковать в клерикальном духе, на уроках чистописания преподавать, в частности, «письмо полууставное, невольно влекущее мысль к речи церковной и предметам священным»³.

В официальном правительственном документе 1898 г. (докладе государственного секретаря А. Н. Куломзина) выделялись и специфические для восточных окраин страны задачи начальной школы: 1) обучение Закону Божьему призвано было стать здесь «одним из могущественных средств для борьбы с крайне опасным и, к прискорбию, столь обычным для Сибири явлением равнодушия населения к вере и церкви»; 2) церковнославянская грамота – «символ единства России» – должна была послужить «делу духовного единения» многочисленных сибирских народов между собой и с метрополией; 3) уроки русского языка обязаны были уберечь русскую речь от искажения под влиянием иноэтнического соседства и «обеспечить за государственным языком подобающее ему преобладающее значение»; 4)

¹ Примерные программы предметов, преподаваемых в начальных народных училищах ведомства Министерства народного просвещения, с приложениями. Томск, 1913. С. 16–17.

² Всеподданнейший отчет обер-прокурора Синода по ведомству православного исповедания за 1894 и 1895 гг. СПб., 1898. С. 378.

³ Всеподданнейший отчет обер-прокурора... за 1913 г. 1915. С. 285–286.

чтения по истории и географии России следовало проводить «возможно шире», чтобы «довести Сибирь до сознания своего полного и тесного единства с Европейской Россией»¹.

Кроме обязательных предметов, в начальных училищах могли преподаваться специальные (необязательные) дисциплины, если для этого были условия – учитель, материальная база и др. Училищ, в которых велись специальные предметы, в селениях Сибири было очень немного (табл. 6). Судя по данным Всероссийской школьной переписи 1911 г., только церковное пение имело относительно прочные позиции. Впрочем, неудовлетворительная ситуация со специальными предметами в начальных сельских училищах была характерна для всей страны.

Таблица 6

Количество сельских начальных училищ, в которых преподавались специальные предметы (1911 г.)²

Регион	Церковное пение	Рукоделие	Гимнастика и военный строй	Рисование и черчение	Ремесло	Огородничество, садоводство и пчеловодство
Сибирь	2018/41,6	624/12,9	584/12,0	428/8,8	54/1,1	40/0,8
В т. ч.: Западная	1355/43,8	390/12,6	282/9,1	119/3,8	33/1,1	24/0,8
Восточная	663/37,8	234/13,4	302/17,2	309/17,6	21/1,2	16/0,9
Российская империя	42194/47,0	12498/13,7	12331/13,7	7858/8,8	1114/1,2	2771/3,1

Во второй половине XIX – начале XX вв., наряду с количественными, происходили и качественные изменения школьной сети в селениях Сибири. Многие школы низшего типа заменялись или преобразовывались в училища, способные дать образование лучше – с продленным сроком обучения и более обширной программой. С 1911 г. стали появляться «высшие» начальные школы МНП с пятилетним обучением. Происходило постепенное оттеснение на вторые позиции церковных школ «министерскими», которые, по словам известного общественного деятеля А. В. Адрианова, только одни и заслуживали названия школ³. Число учащихся в школах духовного ведомства в целом по Сибири росло в 3–4 раза медленнее, чем во всей системе начальных училищ, и по переписи 1911 г. доля учеников в

¹ Куломзин А. Н. Потребности... С. 42–45.

² Подсчитано по источнику: Однодневная перепись... Вып. 16. С. 29. В числителе дробей – абсолютное количество, в знаменателе – доля в общем числе училищ, %.

³ Адрианов А. В. Очерки Минусинского края. Томск, 1904. С. 38.

сельских школах Синода составила только 37,2 %¹. Происходило некоторое улучшение материальной и кадровой основы просветительного дела.

Относительно последнего тезиса требуются некоторые разъяснения. В литературе обстоятельно показано, что в досоветской Сибири вследствие крайней скудости финансирования, бюрократического стиля работы аппарата материальная база начального образования была очень слабой: большая часть школьных зданий и мебели была плохо приспособлена для занятий, повсеместно недоставало учебных пособий и оборудования. Не хватало учителей, и администрации приходилось «назначать на учительские места чуть что ни всякого пожелавшего заняться педагогиею, лишь бы он был сколько-нибудь грамотен»².

Положение начало меняться после того, как Комитет Сибирской железной дороги, в 1894 г. создав Фонд им. Императора Александра III, инициировал широкую общественную деятельность по организации строительства школ и церквей в Сибири, а затем с 1908 г. началась соответствующая деятельность Переселенческого управления. Положительно сказалось создание в конце XIX – начале XX вв. во многих городах Сибири активных обществ содействия народному просвещению, открытие новых учительских институтов и семинарий, курсов повышения квалификации педагогов. Официальный историограф Н. В. Турчанинов имел некоторые основания заявить в 1914 г.: «... пока в Сибири в деле народного просвещения достигнуты осязательные результаты лишь в области начального школьного образования. Народная школа в Сибири есть и мало уступает такой же школе в Европейской России»³.

Однако это отнюдь не означает, что хотя бы одна из серьезных проблем народного образования на восточной окраине России была решена. Массовое переселенческое движение и высокий естественный прирост населения нейтрализовали значение абсолютного увеличения числа начальных школ. Все же сохранялось количественное и качественное отставание школьной сети Сибири от Европейской России⁴. По переписи 1911 г., одно официальное училище приходилось в Сибири в среднем на 2,5–2,7 населенных пункта, во многих местностях даже на 5–6 селений. Доля школьников среди детей школьного возраста составляла в деревнях около 1/6, соотношение девочек и мальчиков среди учеников было 38 : 100 (см. табл. 5). В 22,5 % сельских начальных школ совсем не было учебных пособий, в 20,5 % – книг для внеклассного чтения; только 4/10 учителей имели хотя бы среднее образование,

¹ Юрцовский Н. С. Очерки по истории просвещения в Сибири. Новониколаевск, 1923. Вып. 1. С. 142, 159–160.

² Куломзин А. Н. Потребности... С. 11.

³ Турчанинов Н. В. Школьное дело за Уралом // Азиатская Россия. СПб., 1914. Т. 1. С. 254.

⁴ См.: Шамахов Ф. Ф. Динамика развития общеобразовательной школы Западной Сибири в конце XIX – начале XX вв. // Ученые записки Томского гос. пед. ин-та. Томск, 1955. Т. 13. С. 426–429.

и т. д. По далеко не полным официальным данным, в 1910 г. было отказано в приеме более чем 40 тыс. обратившимся в школы деревенским детям, из них более чем половине – из-за тесноты помещений¹.

Власть предрержащие признавали, что обучение в большинстве случаев являлось неудовлетворительным даже в том, что касалось главного предмета – закона Божия, не говоря о других. Из 371 сельского юноши, опрошенного в Томске в 1865 г. при рекрутировании на армейскую службу, только двое знали десять заповедей Ветхого Завета². Через 40 лет, во время своей поездки в 1905 г. по епархии, архиепископ Томский и Барнаульский Макарий обнаружил, что большинство учащихся подведомственных ему школ не знают и не могут объяснить смысл ни одной молитвы³.

Начальные школы почти исчерпывали официальные образовательные возможности крестьянства Сибири. Во-первых, сеть средних и неполных средних («низших») общих и специальных учебных заведений в Сибири была развита крайне слабо, в сельской местности она почти отсутствовала. Во-вторых, основная масса деревенских начальных школ не давала подготовки, достаточной для продолжения учебы без дополнительных занятий. Среди учащихся сибирских прогимназий и гимназий, реальных, коммерческих и военных училищ, духовных и учительских семинарий, фельдшерских, ветеринарно-фельдшерских и фельдшерско-акушерских школ, среди студентов томских вузов со временем росло число детей крестьян и казаков (по сословной принадлежности), но в основном это были городские жители⁴.

Слабо развитой в Сибири была и сеть образовательных учреждений для взрослых, а также внешкольная просветительная сеть. Та же школьная перепись 1911 г. доказывает это: в сельской местности насчитывалось всего до 30 училищ, при которых работали воскресные школы, еще в 30 велись повторительные занятия для взрослых. Воскресные школы посещало в указанном году 997 человек, повторительные занятия – 798. Учителя организовали в 963 училищах чтения для народа, в среднем по 14 чтений за год⁵.

Характерными для эпохи капитализма в Сибири новациями явились открытие нескольких сельскохозяйственных, лесных, промышленных училищ, ремесленных

¹ Подсчитано по источникам: Однодневная перепись начальных школ Российской империи, произведенная 18 января 1911 г. СПб., 1914. Вып. 12. Ч. 1. С. 4–5; Вып. 13. Ч. 1. С. 29–30; Пг., 1916. Вып. 16. С. 22, 24, 28–29, 54, 56. В качестве школьного возраста в данном случае приняты у мальчиков 7–13 лет, у девочек 7–11 лет. См. также: Сборник о земстве в Сибири. СПб., 1912. С. 312.

² ГАТО, ф. 3, оп. 19, д. 625, л. 23.

³ РГИА, ф. 796, оп. 442, д. 2121, л. 45.

⁴ См.: Шамахов Ф. Ф. Школы дореволюционного Томска // Ученые записки Томского гос. пед. ин-та. Томск, 1954. Т. 12. С. 23, 32–33, 68, 83, 85, 91; Крестьянство Сибири в эпоху капитализма. С. 332.

⁵ Подсчитано по источникам: Однодневная перепись... Вып. 12. Ч. 1. С. 25–26; Вып. 13. Ч. 1. С.

отделений, устройство ряда хозяйственных выставок, опытных полей и ферм, показательных участков, музейных экспозиций, демонстрационных экскурсий в селениях для пропаганды технических достижений. Этим занимались различные государственные учреждения и общественные организации, росла роль частной инициативы. Некоторая часть крестьянства Сибири была так или иначе вовлечена в сферу воздействия таких институтов, воспользовалась их поддержкой в деле обучения детей и перестройке своего хозяйства. Однако исследователи единодушны в оценке: специальное просвещение, ориентированное на потребности сельских жителей, в Сибири дооктябрьского периода только зарождалось, и масштабы его воздействия были незначительными¹. Тормозили дело отсутствие средств, слабость материально-технической и кадровой базы, пороки официальной политики в данном вопросе: бессистемность, ведомственная разобщенность, формализм и бюрократия, пренебрежение к нуждам и достижениям самих крестьян. Несостоятельными оказались многим казавшиеся реалистическими предложения и попытки совместить первоначальное общее и специальное образование в стенах сельских начальных училищ².

Выше говорилось о **православной церкви как организаторе** одного из направлений развития школьной сети. Однако училища не были единственным каналом социализирующего влияния церкви на сельскую молодежь. В самом общем виде социальный заказ самодержавия государственной церкви в Сибири формулировался так: «Миссия духовенства обширна и трудна: на нем лежит нравственно-религиозное воспитание народа, на нем лежит борьба с расколом» (по выражению томского губернатора)³.

О способах осуществления этой миссии клириками Сибири неплохое представление дают выступления архиепископа Макария (Невского) на собраниях священнослужителей Томской епархии в 1891 и 1905 гг. Призывая духовенство «сколь возможно крепче держать в руках знамя своего учительства», Макарий рекомендовал для этого: 1) расширить сеть начальных школ духовного ведомства, усиливать их позиции; 2) при каждой церкви обязательно иметь библиотеки духовно-нравственного содержания; 3) озаботиться приобретением и бесплатной раздачей народу религиозных листов и брошюр; 4) непременно вести внебогослужебные чтения и беседования с прихожанами, в том числе непосредственно в частных домах, разъезжая по деревням. Подразумевалось, конечно, что

49; Вып. 16. С. 3. См. также: Вольфсон Д. Сибирские воскресные школы. Томск, 1903. С. 219–225.

¹ См.: Ядринцев Н. М. Сибирь как колония: к юбилею трехсотлетия. СПб., 1882. С. 388–392; Турчанинов Н. В. Школьное дело... С. 254; Островский И. В. Аграрная политика царизма в Сибири периода империализма. Новосибирск, 1991. С. 183–187; и др.

² Подробнее см.: Зверева К. Е. Деревенская школа и нужды агротехнической подготовки крестьянства Сибири (конец XIX – начало XX вв.) // Земледельческое и промышленное освоение Сибири (XVII – начало XX вв.). Новосибирск, 1985. С. 131–142.

³ ГАТО, ф. 3, оп. 2, д. 3934, л. 265.

ядром всей этой работы должны являться богослужения и проповеди в храмах¹.

Для темы нашего исследования интересна еще одна форма деятельности сельских священников: они зачастую выступали в роли блюстителей деревенского благочиния, учреждая в приходах общества трезвости, ходатайствуя об ограничении продажи спиртного и поддерживая «сухой» закон 1914 г., иницируя борьбу сельских и волостных властей с чересчур вольным поведением молодежи, особенно на вечерках, в периоды церковных праздников и постов. Специальные противораскольнические миссии, учрежденные во второй половине XIX в. в сибирских епархиях, призваны были вести пропаганду среди старообрядческой и сектантской молодежи с целью ее обращения в лоно государственной церкви.

Нельзя сказать, что соционормирующая и социализирующая деятельность православной церкви в условиях деревенской Сибири на практике осуществлялась эффективно. Этого и не могло случиться: в большинстве случаев между священником и его паствой не существовало необходимых для совоспитателей, для воспитывающих и воспитуемых «уз взаимного доверия, уважения и любви»². Примечательно, что одно из упомянутых выше «пастырских собраний» томских клириков (1905 г.) без заметных последствий обсуждало именно вопрос «о причинах разъединения духовенства и общества мирян»³.

Приведем типичную оценку отношения сибирского крестьянства к официальной церкви из отчета томского губернатора за 1873 г.: «При обширности губернии и разбросанности населения здесь весьма мало церквей, отчего многие жители никогда почти не посещают храмов Божиих, а отсюда вытекает полное охлаждение к православию, нередко можно встретить крестьян, вовсе незнакомых с религиею и бывших в церкви только при вступлении в брак. Если же прибавить к этому, что Томская губерния была издавна местом ссылки для раскольников разных сект, и что число их постоянно увеличивается как тайным соращением, так и приселенцами, сектаторами из внутренних губерний империи, то делается понятным, как шатко здесь православие...»⁴.

Наиболее ярким проявлением отчуждения от церкви было непосещение храма – равнодушие к таинствам исповеди и причастия. Согласно докладом епископов Синоду, от половины до 2/3 и более жителей сел и деревень Сибири не подходили к исповеди более

¹ Съезд отцов благочинных Томской епархии 12 августа 1891 г. // Томские епархиал. ведомости. 1891. 1 октября; РГИА, ф. 796, оп. 442, д. 2121, л. 87.

² Костров Н. А. Юридические обычаи крестьян-старожилов Томской губ. Томск, 1876. С. 63–64. См. также: Чукмалдин Н. М. Записки о моей жизни. М., 1902. С. 56; Ростовцев И. Г. На краю света: Записки очевидца. М., 1985. С. 244–248; Осипов Н. О. Ритуал сибирской свадьбы // Живая старина. 1893. Вып. 1. С. 102; и др.

³ РГИА, ф. 796, оп. 442, д. 2121, л. 79.

⁴ ГАТО, ф. 3, оп. 2, д. 3934, л. 10–11.

года, даже по 10–20 лет¹. Конечно, среди крестьян считалось необходимым исповедать и причастить тяжело больных; в заботе о спасении души более или менее аккуратно ходили в церковь старики, за утешением и подаванием – калеки и нищие. Но дети и особенно молодежь появлялись в церкви сравнительно редко и потому не испытывали ее каждодневного влияния. Данные о воинском призыве 1881 г. показывают: доля не бывавших у исповеди и причастия в течение года и более среди новобранцев православного исповедания из Западной Сибири равнялась 97,1 % и была в 2,4 раза выше, чем по стране в целом. Почти половина парней-сибиряков вообще ни разу или, по крайней мере, в последние пять лет не исполняла своего христианского долга².

С целью усиления влияния государственной церкви на воспитание сельской молодежи в конце XIX – начале XX вв. власти вели в Сибири усиленное строительство церквей, пытались ликвидировать их недостаток. К молодежи применялись меры принуждения к посещению храмов – вызов через волостных старшин и сельскую полицию, отказ от венчания без предварительной исповеди, задержка паспортов на отлучку и др.³

Вряд ли можно объяснить такие факты, как массовый церковный индифферентизм, вытеснение школ духовного ведомства «министерскими» училищами, значительным распространением, а тем более господством атеизма в крестьянской среде. Почти все русские крестьяне считали себя истинными православными христианами. Даже в 1920-е гг., по многочисленным свидетельствам очевидцев, в сибирской деревне сохранялась приверженность большинства сельчан к «старой» религиозности: они заставляли молиться своих детей, возражали против изъятия закона Божия из школьной программы и т. д.⁴ Однако эта религиозность («бытовое православие») была своеобразной: она не вполне совпадала с официальным церковным учением и представляла собой синкретическое мировоззрение, в котором православие сочеталось с пережитками язычества, а также элементами секуляризованного сознания и антиклерикализма⁵.

Антиклерикализм был вызван частыми конфликтами при взимании с крестьян

¹ См.: Островская Л. В. Источники для изучения отношения сибирских крестьян к исповеди (1861–1904 гг.) // Исследования по истории общественного сознания эпохи феодализма в России. Новосибирск, 1984. С. 131–139; Зинин Н. К. Воспоминания из сибирской жизни 1887–1892 гг. СПб., 1895. С. 91–94.

² Подсчитано по: РГИА, ф. 796, оп. 162, д. 1718, л. 52–54.

³ См.: Островская Л. В. Источники для изучения... С. 138.

⁴ См.: Николин А. Деревня о себе // Сиб. огни. 1925. № 6. С. 176–181; Кузнецов И. С. Социальная психология сибирского крестьянства в 1920-е гг. Новосибирск, 1992. С. 23–30.

⁵ Подробнее см.: Покровский Н. Н. Археографические экспедиции и проблемы изучения народного сознания // Археографический ежегодник за 1986 г. М., 1987. С. 159; Григорьева Т. Проблемы изучения «народного православия» в современной литературе // Религия и церковь в Сибири. Тюмень, 1990. С. 76–78; Островская Л. В. Христианство в понимании русских крестьян пореформенной Сибири // Общественный быт и культура русского населения Сибири (XVIII – начало XX вв.). Новосибирск, 1983. С. 135–150.

церковной руги, злоупотреблениями и поборами причта при отправлении церковных треб, «дурными нравами» иных церковнослужителей, а в начале XX в. – и процаристскими политическими позициями клира. Разумеется, среди сельских священников, как и среди медиков, учителей, чиновников, было немало людей, добросовестно относившихся к своим обязанностям, оказывавших положительное нравственное и интеллектуальное воздействие на население. Например, очень привлекают с любовью и почтением выписанные в мемуарах учительницы И. К. Чувашевой образы епископа Тобольского Антония и сельского священника отца Димитрия из Туринского уезда – ревнителей просвещения, энергичных и умелых педагогов-наставников (речь идет о ситуации рубежа веков)¹. Однако такие пастыри не всегда определяли общий фон. Анализ источников разного происхождения показывает: вследствие объективных условий своей деятельности (обширность приходов, плохое материальное положение, недостаток образования), в силу «охранительной» роли огосударственной церкви в обществе, просто по нерадению слишком многие клирики не выполняли своей миссии наставничества и учительства, а иной раз вредили делу воспитания и образования сельской молодежи²

Особо следует сказать о **роли старообрядческой церкви**. В ходе всероссийской демографической переписи 1897 г. лишь 3,9 % населения Сибири отнесло себя в разряд старообрядцев и уклонившихся от православия; по официальным данным за 1911 г. таковых насчитывалось 3,2 %³. Однако учет «раскольников» в России всегда был очень неполным. Протоиерей Д. Н. Беликов считал, что на самом деле в одной Томской епархии в 1880-х гг. насчитывалось не менее 100 тыс. староверов, т. е. до 1/10 населения⁴, Местами компактного проживания больших групп старообрядцев были Верхнеудинский округ-уезд Забайкальской области, южная часть Алтайского горного округа, юго-западные местности Тобольской губернии, где было немало «раскольничьих» поселений.

Селения старообрядцев влиятельных толков иногда представляли собой сплоченные общины во главе с популярными наставниками – своеобразные метрополии, к которым тяготели окрестные деревни. Как было установлено православными миссионерами Томской епархии, в начале XX в. у сторонников «поморского» толка в Барнаульском уезде было три таких центра, в Змеиногорском уезде – два, в д. Солоновке Бийского уезда проживало

¹ РГИА, ф. 834, оп. 4, д. 1175, л. 59–77; и др.

² ГАТО, ф. 3, оп. 2, д. 3934, л. 38; И. Л. Исповедь народного учителя // Сиб. газета. 1882. 29 августа; Гребенщиков Г. Д. Чураевы. Иркутск, 1982. С. 325–331; Вяткин Г. А. Открытыми глазами. Омск, 1985. С. 65–66.

³ Подсчитано по источнику: Любимов П. П. Религии и вероисповедный состав населения // Азиатская Россия. С. 241–242.

⁴ Беликов Д. Н. Томский раскол: Исторический очерк от 1834 по 1880-е гг. Томск, 1901. С. 14. Доля подсчитана нами с учетом численности населения в 1880-х гг. См.: Пронин В. И. Население Сибири за 50 лет (1863–1913 гг.) // История СССР. 1981. № 4. С. 55–57.

одновременно 10 известных наставников. Гнездо «федосеевцев» находилось в д. Шмаково Каинского уезда, «стариковцы» ориентировались на лидеров, живших в деревнях Сибирячиха, Катанда, Шульгин Лог Бийского уезда, и т. д.¹

Взаимоотношения между паствой и духовными наставниками (выборными уставщиками, начетчиками, приглашенными священниками) у старообрядцев были более тесными, чем в государственной церкви между клиром и прихожанами. Уклад жизни духовных лидеров старообрядчества обычно внушал пастве больше почтения, их житейский и богословский авторитет давал возможность сильнее влиять на социализацию и поведение молодежи. При этом использовались как формальные каналы – церковные съезды («соборы»), богослужения, приходские собрания и чтения, полемика с иноверцами, организация обучения детей, так и разнообразные случаи повседневного общения. В частности, вследствие успешной деятельности «раскольничьих» проповедников в Сибири год из года даже в обстановке религиозных притеснений отмечалось присоединение православных и единоверцев к старообрядческим общинам (обратный переход случался реже). Правда, переход «в другую веру» чаще всего осуществлялся крестьянами не из мировоззренческих, а из житейских соображений, главным образом при заключении брака с представителем иной конфессии².

В целом старообрядческая церковь выступала в процессе социализации в качестве консервативной силы, что в обстановке кризиса традиционной культуры помогало сохранять преемственность поколений, но шло вразрез со многими требованиями времени (эмансипация женщин и молодежи, чтение светской литературы, обращение за помощью к врачам и др.), с прогрессивными устремлениями все большей части деревенских жителей.

¹ См.: Липинская В. А. Конфессиональные группы православного населения Западной Сибири (вторая половина XIX – начало XX вв.) // Этнограф. обозрение. 1995. № 2. С. 120–121.

² ГАТО, ф. 3, оп. 2, д. 3934, л. 37, 161; РГИА, ф. 796, оп. 442, д. 2120, л. 12; д. 2387, л. 44; д. 2701, л. 31; и др.

Глава 6. ИНФОРМАЦИОННЫЕ УСЛОВИЯ

Специфической группой факторов, «внешним» образом определявших образ жизни крестьян, являлись факторы информационные, близко примыкавшие к комплексу культурологических условий.

В сфере физического воспроизводства населения здесь имеются в виду, прежде всего, **объективная доступность членам крестьянского сообщества сведений** о выработанных предшествующими поколениями самих сельчан, церковью, наукой, другими социальными институтами этических норм (актуальных для демографического поведения), приемов гигиенического самообслуживания, репродуктивного и самосохранительного поведения, физического развития детей; **характер и степень приобщения сельчан к информации** как об освященных церковью и традицией нормах демографического поведения, так и об инновациях в этой области, распространявшихся в изучаемый период.

Важными особенностями менталитета, культуры и образа жизни русских крестьян во второй половине XIX – начале XX вв. историки считают их религиозный характер и традиционализм. Демографические знания и нормы поведения транслировались «по наследству» от дедов и отцов в процессе семейной и общинной социализации вне глубокого критического осмысления, их соблюдение жестко контролировалось первичными социальными группами, освящалось господствующей церковью¹.

Православная церковь вообще не признает секуляризованной этики, нравственность для нее всегда религиозна. Наиболее значимо для нашей темы религиозное осмысление брака, который совершался «во Христа и во Церковь», мыслился как «благодатное освящение естественного союза мужчины и женщины для совместной христианской жизни и для деторождения», как акт основания «малой домашней церкви, которую является семья»². Таинство брака входит наряду с крещением, миропомазанием, покаянием (исповедью), евхаристией (причащением), священством и елеосвящением в число самых важных христианских таинств. Нарушение супружеской верности, убийство нерожденного ребенка (аборт) и содействие такому убийству, оскорбление святости любви цинизмом, причинение горя членам семьи признается грехами против Христа и церкви. Грехами против самого себя считаются в православии разрушение своего здоровья излишествами, пьянством и развратом,

¹ См.: Громыко М. М. Место сельской (территориальной, соседской) общины в социальном механизме формирования, хранения и изменения традиций // СЭ. 1984. № 5. С. 70–80; Миронов Б. Н. Традиционное демографическое поведение крестьян в XIX – начале XX вв. // Брачность, рождаемость, смертность в России и в СССР. М., 1977. С. 83–104.

² Булгаков С. Н. Православие: Очерки учения православной церкви. 3-е изд. Париж, 1989. С. 250, 345–369.

неборение с чувственными помыслами и избегание соблазнов, мысли о самоубийстве¹.

Эти и другие религиозные нравственные нормы транслировались в крестьянскую среду через проповеди священников, через таинство исповеди: накануне нее мирянину полагалось проверить совесть при свете заповедей Божиих, а во время исповеди покаяться в грехах против Христа и церкви, против ближних, против самого себя. За сотни лет проповедования христианства в России религиозные ценности глубоко укоренились в крестьянской среде, но зачастую в переосмысленном и как бы вульгаризированном виде. В Сибири приобщение к ним затруднялось малым количеством церквей и недостатком священников, «нерадением» значительной части паствы, редко посещавшей храмы.

В среде сибирских старообрядцев значительную роль в поддержании религиозной морали играло индивидуальное и коллективное изучение старинных богослужебных и вероучительных книг (например, 50-й главы Кормчей книги), сочинений святых отцов церкви. Среди «никониан» повседневное чтение религиозных нравоучительных книг было распространено меньше, и в целом они хуже ориентировались в христианской соционормативной системе, меньше внимания уделяли неуклонному соблюдению ее требований. Специфическим каналом распространения в их среде религиозных норм с целью утверждения их в повседневном поведении была издававшаяся большим тиражом специально «для народа» духовно-нравственная литература: жития святых, описания путешествий по святым местам, тексты проповедей. Материалы обследований сельского быта показывают, что в 1880-х – начале 1990-х гг. в трети селений Сибири круг чтения грамотных состоял исключительно из религиозных текстов. В северо-западной Барабе (Спасский участок Каннского округа Томской губернии) сплошным обследованием установлено преобладание числа религиозных книг (их было в общей сложности 62,2 % из 1765 экземпляров) над светскими у всех категорий крестьянского населения – старожилов, новоселов, ссыльных². Наиболее часто в сельских домах читали Псалтыри и Евангелия: они имелись в 39 % из тех обследованных населенных пунктов Енисейской и Иркутской губерний, в которых были налицо какие-либо религиозные издания³.

Чтение духовных книг предпочитали любому другому в основном пожилые крестьяне, тогда как молодежь все больше переориентировалась на беллетристику. В целом доля религиозной литературы в круге чтения крестьян со временем сокращалась. В анкетах обследования по Иркутской губернии за 1900–1901 гг. она упоминается только в 31 %

¹ См.: Мень А. В. Православное богослужение: Таинство. Слово и образ. М., 1991. С. 141–142.

² Материалы для изучения экономического быта государственных крестьян и инородцев Западной Сибири. СПб., 1892. Вып. 17. С. 81–83.

³ Личков Л. С. Как и что читает народ в Восточной Сибири // Рус. мысль. 1896. № 2. С. 37–38.

случаев фиксации печатной литературы, имевшейся у частных лиц в сельской местности¹.

Материалы проводившихся в конце XIX – начале XX вв. в селениях Сибири обследований круга чтения жителей практически не зафиксировали наличие доступных по содержанию простому народу светских публикаций по медицине и санитарному делу, физическому воспитанию детей, семейному строительству. Такой литературы в дооктябрьской России издавалось очень мало, и в сибирскую деревню она почти не попадала (отдельные случаи ее распространения описаны ниже).

В эпоху капитализма в сибирские деревни вместе с работавшими здесь сельскими интеллигентами, проезжавшими по тракту путешественниками или купцами, с партиями ссыльных, переселенцев, группами рабочих-отходников, с отставными солдатами, возвращавшимися домой со службы, беженцами и военнопленными (во время войны) все чаще проникали рассказы об иной жизни в других странах, в «господской» и городской среде, у жителей других местностей России. Проникавшие сведения и слухи о диковинных обычаях и порядках в брачном и семейном быту (многоженство у мусульман, распущенность в высшем обществе, распространение проституции и аборт в городах) подвергались обсуждению, соответствующие явления единодушно осуждались. В то же время некоторая часть передовых (обычно достаточно зажиточных и грамотных) крестьян, войдя в соприкосновение с лучшими сельскими учителями, медиками и священниками, начинала улучшать свой санитарный быт, использовать более рациональные способы лечения болезней и лекарства, при возможности охотно пользовалась услугами медицинского персонала и таким образом проявляла готовность перестраивать свое демографическое поведение.

Местные власти и медицинские органы в Сибири, констатируя, что «в среде народа не существует самых первоначальных и необходимых понятий о гигиенических и санитарных условиях жизни», время от времени принимали меры по распространению таковых понятий как устным путем (предписания, советы), так и посредством печатного слова (наставления по санитарно-гигиенической части, написанные врачами, чиновниками или священниками). В период второй половины XIX в., по нашим подсчетам, в сибирских городах было предпринято около 20 изданий и переизданий брошюр и листового материала, посвященного этой теме.

Больше всего выходило публикаций о профилактике эпидемических заболеваний. Брошюра инспектора врачебной управы А. Бургера «Наставление для жителей Енисейской губернии против появления и распространения разного рода повальных и заразительных болезней» выдержала три издания в Красноярске: в 1870, 1879 и 1886 гг. В разгар страшной

¹ Подсчитано по: ГАИО, ф. 197, оп. 1, д. 2, л. 2–26; д. 3, л. 1–15; д. 19, л. 1–7.

эпидемии 1892 г. в селения Сибири рассылались печатные наставления об общедоступных способах предотвращения, распознавания и лечения холеры. В одном Томске были оперативно написаны, опубликованы значительным тиражом и распространены в следующем 1893 г. по губернии сразу три популярных брошюры о холере: врача В. С. Пирусского, профессора М. Г. Курлова, епископа Томского и Семипалатинского Макария¹. Согласно официальному отчету, распространение печатных объявлений о вреде от употребления муки со спорыньей, с указанием простых способов очищения ржи, сильно способствовало локализации эпидемии рафании (эрготизма) в некоторых уездах Томской губернии в 1902–1903 гг.² В других губерниях и областях Сибири время от времени принимались аналогичные меры.

Приказы и наставления, исходящие от чиновничества, в большинстве случаев поначалу игнорировались или выполнялись лишь частично, но с ростом грамотности в некоторых местах дело сдвигалось с мертвой точки. Исследователями А. Г. Рашиным и затем Б. Н. Мироновым было установлено, например, что в губерниях России с наиболее высокой грамотностью населения, особенно женского, была несколько ниже смертность детей и зрелых людей в возрасте до 60 лет³. Конечно, речь может идти главным образом о влиянии на смертность экономических, правовых, санитарно-гигиенических условий жизни грамотного человека, но нельзя сбрасывать со счета и условий культурно-информационных.

Важную роль играли информационные факторы в ряду причин, регулировавших миграционное поведение переселенцев. Автор классического труда о переселенческом движении в Сибирь И. А. Гурвич выделил практически все **традиционные источники знаний о Сибири** и о путях в нее, которыми руководствовались мигранты, собираясь в путь, регулируя людскую структуру семейного домохозяйства, выбирая маршрут, способ передвижения в 1861 – начале 1890-х гг. Это письма более ранних выходцев к своим родным и знакомым; рассказы торговых и промысловых людей, странников-богомольцев; сведения, специально собранные ходоками, заблаговременно посланными от семьи, группы домохозяйств или сельского общества⁴.

Степень достоверности и полноты этих источников могла быть самой разнообразной, наиболее обстоятельные сведения поступали от ходоков – «садчиков», деятельность которых публицист С. Пономарев характеризовал следующим образом: «Корреспонденты

¹ ГАТО, ф. 3, оп. 2, д. 3100, л. 133–139; оп. 12, д. 3100, л. 82–84; оп. 40, д. 102, л. 1; ф. 4, оп. 1, д. 380, л. 122; д. 437, л. 61.

² См.: Отчет о состоянии народного здоровья и организации врачебной помощи в России за 1903 г. СПб., 1905. С. 30–31.

³ См.: Рашин А. Г. Население России за 100 лет (1811–1913 гг.). М., 1956. С. 201; Миронов Б. Н. Грамотность в России 1797–1917 гг. // История СССР. 1985. № 4. С. 139.

⁴ Гурвич И. А. Переселения крестьян в Сибирь. М., 1888. С. 78–79.

отписывают и о земле, и о воде ... пишут про то, сколько попам руги дают, сколько харч стоит; составляют целые словари киргизских (в данном случае – казахских. – В. З.) слов для пользования новоселов; говорят, где начальство живет, где можно денег попросить, где перестали милостыньку собирать, в каком месте коней воруют, где кого за потраву оштрафовали, какой воды пить нельзя, в каком селе ... и в какое время на работу принимают. <...> Невольно, присмотревшись ко всему этому, воскликнешь в изумлении: “Ай, да мужичья наука!”»¹.

В конце XIX – начале XX вв. определенное распространение получил новый информационный канал – печатная литература, специально издававшаяся для переселенцев и для лиц, занимавшихся организацией переселенческого дела. Так, авторы земского обследования Полтавской губернии называли следующие официальные публикации, с которыми в конце XIX в. могла познакомиться часть полтавчан, собиравшихся переезжать: сборник правил о порядке переселения в Томскую губернию (1891 г.), брошюра для населения «Сибирское переселение» (в 1896 г. в количестве 400 тыс. экземпляров она была разослана в разные учреждения), ежегодно с 1897 г. издаваемые Главным переселенческим управлением «народные брошюры, предназначенные для распространения среди переселенцев и главным образом среди ходоков»². Такой литературы было недостаточно, ее содержание часто не удовлетворяло крестьян (например, четко не формулировались требования администрации к людскому составу той семьи, которая могла получить разрешение на переселение).

В годы Столыпинской аграрной реформы начавшаяся устная пропаганда переселения подкреплялась публикацией большими тиражами и распространением в деревнях листовок, плакатов, брошюр и справочных книжек. Будучи поначалу минимальным, воздействие этой литературы со временем увеличивалось. В материалах обследований начала XX в. среди новоселов Сибири фиксируется группа (впрочем, сравнительно небольшая) получавшая сведения о Сибири и о порядке переселения, устройства за Уралом «под влиянием правительственных разъяснений», «из книг, газет и прочих литературных источников»³.

В целом природная, социальная и демографическая ситуация на окраинах рисовалась в изданиях, доступных переселенцам, за некоторыми исключениями, в приукрашенном виде. Крестьянин Калужской губернии М. В. Сумкин, ездивший в 1907 г. в Степной край ходоком, пишет в своих воспоминаниях: «Я прочел несколько книжек, изданных Переселенческим

¹ Пономарев С. Очерки и пересказы: Среди новоселов // Сев. вестник. 1890. № 9. С. 161.

² Переселения из Полтавской губ. с 1861 по 1 января 1901 г. Полтава, 1900. Вып. 1. С. 83; 1902. Вып. 2. С. 41.

³ См., например: Материалы по переселенческому хозяйству в Степной и Тургайской областях, собранные и разработанные Экспедицией по исследованию степных областей. СПб., 1907. Т. 5. С. 31,

управлением для ходоков и раздаваемых земским начальником, и Сибирь рисовалась мне в очень розовых красках. <...> Но оказывалось, что в переселенческих книжках кое-что не допечатано»¹.

Перейдем к характеристике информационных факторов социализирующего поведения крестьянства и казачества².

Как и в случае с демографическим поведением, бытовавшие в деревне средства и программы воспитания, образования, нормирования поведения детей и молодежи складывались веками и перенимались новыми поколениями как бы готовыми, в виде стандартных блоков, хотя и с сохранением некоторой вариативности. Педагогическая и соционормативная информация в основном кодировалась в структуре **традиции, обычая, обряда, произведения фольклора**: ее устными носителями были авторитетные представители старшего поколения. Традиционную культуру, поэтому часто называют «устной». В то же время издавна у духовных лидеров крестьянства, особенно в старообрядческой среде, был силен авторитет старых **вероучительных и нравоучительных книг**, в которых отыскивали, в частности, правила повседневного поведения в миру, воспитания детей.

Важным способом сохранения и распространения печатных и рукописных изданий в сельской местности Сибири была их межпоколенная передача, во многих случаях сочетавшаяся с перепиской, реставрацией или перепечаткой. Этот путь был наиболее характерен для староверов. В их среде находилось в обращении множество наименований старинных вероучительных и богослужебных книг, родословий, лечебников, произведений иных жанров³. В источниках и литературе имеется немало упоминаний о книжных богатствах скитов, молельных домов, домашних библиотек известных начетчиков и «расколоучителей». Их значительную часть составляли сборники произведений религиозно-нравственного содержания – «слов», «поучений», «рассуждений», предназначенных, прежде всего, для влияния на молодежь⁴. Эта литература передавалась от родителей к сыновьям и внукам, от учителей к ученикам, а также перемещалась из признанных религиозных центров,

173.

¹ Сумкин М. В. В Сибирь за землю: Записки ходока. М., 1908. С. 3, 60.

² При характеристике информационных условий социализирующего поведения использованы материалы, предоставленные автору К. Е. Зверевой.

³ См.: Покровский Н.Н. Путешествие за редкими книгами. 2-е изд. М., 1988. С. 9–282; Миненко Н. А. Живая старина: Будни и праздники сибирской деревни в XVIII – первой половине XIX в. Новосибирск, 1989. С. 100–107.

⁴ См.: Чудновский С. Л. Раскольники на Алтае // Сев. вестник. 1890. № 9. Отд. 2. С. 41–611; Бахтина О. Н. Из истории книжной культуры Томской губ. // Книга и книжное дело в Сибири: история, современность, перспективы развития. Новосибирск, 1989. С. 227–228; Игумнова Н. Д. Старообрядческие рукописи в научной библиотеке ИГУ // Там же. С. 220–224; Поплавская В. А. Книги из библиотеки первого сибирского старообрядческого епископа Савватия // Там же. С. 228–

скрипториев и подпольных типографий на конфессиональную периферию. Во время чиновничьих расспросов или официальных следствий владельцы книг рассказывали: «Дары достались ... от отца, получившего их от старообрядческих священников из Екатеринбурга»; «... книга – следованная Псалтирь, она куплена отцом моим Платоном, который этой книгой меня благословил», и т. д.¹ Исследователю Алтая А. Е. Новоселову в начале XX в. жители глухих селений, старообрядцы поморского согласия, показывали свои книжные редкости, «до мельчайших подробностей передавая интересную историю книги, в течение нескольких столетий переходившей из рук в руки»².

На востоке Сибири в Минусинском округе Енисейской губернии этнограф Д. А. Клеменц получил в 1880-х гг. доступ к двум тетрадкам почти тождественного содержания – семейным сборничкам заговоров, примет и молитв на разные случаи домашней жизни, составленным в с. Тесинском и Мало-Минусинской слободе лет 40–50 назад. Об одной из этих книжек исследователь рассказывает так: «Долго житейская мудрость, содержащаяся в ней, передавалась устно и хранилась в величайшей тайне от посторонних. У деда последнего владельца этих секретов был грамотный сын, который и записал переданное ему на словах в тетрадку и сам наказал своим наследникам хранить переданное сокровище в тайне от других и никому не передавать, так как этою мудростию и держится уже более ста лет их дом; но дух скептицизма растет ... передавший эту рукопись в чужие руки изверился в чудодейственную силу тайных молитв и заговоров»³. Собирая в начале XX в. материалы по этнографии забайкальских казаков, учитель К. Д. Логиновский тоже смог воспользоваться несколькими старинными семейными сборниками заговоров⁴.

Эпоха капитализма стала временем, когда информационные потребности процесса социализации все чаще удовлетворялись литературой, привносимой в крестьянскую среду извне. В ней нужно особо выделить, во-первых, литературу религиозно-нравственного и морализаторского содержания. В конце XIX – начале XX вв. она издавалась довольно большим тиражом епархиальными ведомствами и обществами трезвости (особенно в Тобольске) в виде дешевых или бесплатных листков, брошюр, и раздавалась перед службой в церкви, во время занятия в вечерних школах, в миссионерских экспедициях и т. д.⁵

231.

¹ Беликов Д. Н. Томский раскол: Исторический очерк от 1834 по 1880-е гг. Томск, 1901. С. 78–79, 100, 103; и др.

² Новоселов А. Е. У старообрядцев Алтая. Омск, 1913. С. 13.

³ Клеменц Д. А. Наговоры и приметы у крестьян Минусинского окр. // Известия ВСОРГО. 1888. Т. 19. № 3. С. 4.

⁴ См.: Логиновский К. Д. Материалы к этнографии забайкальских казаков. Владивосток, 1904. С. 2, 31–32.

⁵ См.: Яблоков М. С. Тобольская епархиальная печать в борьбе с антисоциальными явлениями // Религия и церковь в Сибири. Тюмень, 1990. С. 90–92.

Влияние такого рода изданий на сибирское крестьянство в целом не было значительным. Гораздо более важную роль в социализации молодежи сыграла учебная, учебно-воспитательная, методическая литература, использовавшаяся в школьном деле.

Домовые школы были обеспечены такой литературой в наименьшей степени. «Образовательные пособия в школах ничтожны... Азбуки, в большинстве московских изданий, Псалтырь или часослов, грифельная доска, счеты, бумага и перо – вот весь инвентарь учебных пособий в школах; в немногих встречается “Родное слово” (К. Д. Ушинского. – В. 3.), “Наставления в православной вере” Соколова, “Арифметика” и только...», – так описывалась типичная ситуация второй половины XIX в.¹ Часто не было и этого.

Более широк был набор литературы в официальных, особенно «министерских» училищах. При них создавались библиотеки с несколькими отделами: детский фонд, в котором хранились книги для внеклассного чтения учащихся и учебная литература; учительская библиотечка, содержащая в основном литературу, предназначенную для учебно-методической подготовки учителей; фонд с учебными пособиями, необходимыми для продажи зажиточным родителям учеников (бедным семьям пособия из этого фонда полагалось передавать бесплатно). В конце XIX – начале XX вв. при некоторых училищах стали появляться еще так называемые «народные» библиотеки с книгами, выдававшимися на время окрестным жителям. Они вписывались в зарождавшуюся сеть публичных сельских библиотек, имевших различное происхождение: открытых общественными организациями, кооперативами и кредитными товариществами, созданных при волостных и сельских правлениях, при церквях. Школьные библиотеки сыграли наиболее видную роль в просвещении крестьянства Сибири². Часть сельских жителей, в том числе некоторые грамотные крестьяне, имели и свои домашние библиотеки, но это не было массовым явлением.

Масштабы распространенности печатных изданий в сельской местности Сибири были невелики, доступность крестьянам литературы, необходимой в деле воспитания и обучения молодежи – слабой, хотя нужно отметить определенный прогресс, наблюдавшийся в эпоху капитализма.

В начале изучаемой эпохи в Сибири имелись местности, где жители никогда не видели книг и принимали случайно увиденные печатные издания за волостное делопроизводство –

¹ Ш-в. Сибирский странствующий учитель // Сибирь. 1887. 7 июня. См. также: Материалы для изучения... 1888. Вып. 1. С. 324; Кокоулин К. К. Школы и грамотность в Киренском окр. Иркутской губ. Иркутск, 1895. С. 64–65.

² Подробнее см.: Зверев В. А., Зверева К. Е. Школьные библиотеки в сибирской деревне конца XIX – начала XX вв. // Книга в Сибири (конец XVIII – начало XX вв.). Новосибирск, 1989. С. 110–

единственный известный им продукт письменной культуры¹. На рубеже 1880–1890-х гг. на Спасском участке Каинского округа Томской губернии в обследованных 3546 крестьянских дворах оказалось 1765 экземпляров книг, что составляло 50 томов на 100 домохозяйств, 10 – на 100 человек населения, 185 – на сотню грамотных лиц². В 1894–1895 гг. в Киренском округе Иркутской губернии в 25 обследованных селениях книги имелись в 30 % домохозяйств, в общем количестве 1441 экземпляр. На один населенный пункт приходилось здесь в среднем 58 книг, на 100 дворов вообще – 114, на сотню домохозяйств, располагавших книгами – 381 том. Следует учесть, что данные по Киренскому округу несколько приукрашивают общее положение, поскольку обследовались селения, находившиеся «в сравнительно лучших условиях»³. С другой стороны, и на западе, и на востоке Сибири приведенные цифры характеризуют лишь книги и «толстые» журналы, находившиеся в собственности жителей, и не затрагивают фондов немногих, впрочем, публичных библиотек. В домах старообрядцев наверняка не были учтены старинные книги, составлявшие для староверов огромную ценность и скрываемые от посторонних.

С общественными библиотеками к началу XX в. ситуация выглядела следующим образом. По официальным данным, в середине 1910 г. во всей Томской губернии насчитывалось 137 сельских библиотек с 40 174 экземплярами книг. К 1917 г. Томское общество содействия устройству сельских бесплатных библиотек-читален помогло открыть еще 454 библиотеки со 150 тыс. экземпляров книг, брошюр, журналов и газет. В среднем получается одна библиотека из 100–400 книг на 22 тыс. жителей в 1910 г. и на 10 тыс. – в 1917 г.⁴

Имеются данные о педагогической функции библиотек. В 1911 г. в сельских библиотеках Томской губернии пользовались фондами 35 620 читателей, или чуть больше 1 % сельчан. Взрослые составляли среди них 35 %; подростки, недавно окончившие школу, – 24; учащиеся – 41 %⁵. Школьная перепись в том же году показала следующее: из всех начальных сельских училищ Сибири детские отделы имелись в 79,5 %, учительская библиотечка наличествовала в 80,9 %, а народная библиотека – только в 5,9 %. Едва ли 53

¹ См.: Савельев А. А. В тайге // Неделя. 1882. 20 июня.

² Подсчитано по источнику: Материалы для изучения... Вып. 17. С. 82–83. В подсчет не вошли книги из богатой библиотеки торгующего крестьянина М. Шипицина из с. Спасского.

³ Подсчитано по источнику: Кокоулин К. К. Школы и грамотность... С. 64–65.

⁴ Подсчитано по источникам: Отчет совета Общества содействия устройству сельских бесплатных библиотек-читален в Томской губ. за 1908–1909 гг. Томск, 1910. С. 7; Косых Е. Н. Книжное дело в Сибири в период империализма // 200 лет книгопечатания в Сибири. Новосибирск, 1989. С. 114–115. Данные о населении см.: Пронин В. И. Городское и сельское население Сибири в конце XIX – начале XX вв. // Город и деревня Сибири в досоветский период. Новосибирск, 1984. Вклейка.

⁵ РГИА, ф. 733, оп. 183, д. 337, л. 8.

книги, хранившиеся в средней учительской библиотеке, обеспечивали учителю достаточно широкий профессиональный и общекультурный кругозор. На одного ученика приходилось всего около пяти экземпляров книг для учебы и внеклассного чтения¹.

Комплектование всех общественных книгохранилищ производилось в строгом соответствии с официально утвержденными «разрешительными» каталогами. Как и начальные школы в целом, библиотечная сеть при них была призвана «дать учащимся религиозно-нравственное воспитание, развить в них любовь к Царю и России», утверждать «христианское чувство любви к Богу и ближнему, развить ... правильный взгляд на свои ... отношения к семье и Отечеству»². Поэтому основную часть книжных фондов составляли адаптированные в воспитательных целях жития святых, рассказы из Священного Писания и истории христианства, нравоучительные сочинения церковных иерархов, а также верноподданнические описания. В годы Русско-японской и Первой мировой войн библиотеки усиленно снабжались изданиями националистического толка.

Фонды многих сельских библиотек содержали и хорошую художественную литературу, наиболее полезную для становления личности молодого человека. Среди представленных классиков русской литературы источники чаще всего называют Ершова, Крылова, Пушкина, Л. Толстого, Тургенева, Гаршина, Горького, Грибоедова, Григоровича, Кольцова, Короленко, Лермонтова, Мамина-Сибиряка, Станюковича, А. Толстого, Чехова; из зарубежных авторов – Майн Рида, Ж. Верна, В. Скотта, Д. Дефо, Диккенса, Авенариуса. Заметную часть книжных фондов составляли беллетристические произведения менее крупных литераторов, иногда вовсе лишенные художественных достоинств, а также разрозненные научно-популярные издания по полеводству и огородничеству, скотоводству, пчеловодству, лесному и луговому делу, по физике, ботанике, истории, географии этнографии. Изредка встречались легальные издания социально-экономического и политического характера³. Элементарные специальные знания при желании можно было почерпнуть из периодических изданий.

В деле политического просвещения и ангажирования крестьянства значительную роль сыграли прокламации и брошюры, нелегально распространявшиеся в селениях в начале XX в., особенно в периоды обострения классовой борьбы агентами леворадикальных и праворадикальных партий и организаций. «Народ читает ... прокламации и по доверию к печатному слову не остается глухим к ним», – с прискорбием констатировал уже в отчете за

¹ Подсчитано по источнику: Однодневная перепись начальных школ Российской империи, произведенная 18 января 1911 г. Пг., 1916. Вып. 16. С. 28.

² ГАКК, ф. 3, оп. 1, д. 183, л. 90–93; РГИА, ф. 1284, оп. 194, д. 127, л. 69; и др.

³ См.: Личков Л. С. Как и что... № 1. С. 33–46; № 2. С. 28–42; Р-ва. Что читает верхоленский крестьянин, как относится к литературе, его песни и пр. // Сиб. сборник. Иркутск, 1888. Вып. 3. С. 37–43; ГАИО, ф. 197, оп. 1, д. 2, л. 11–26; д. 3, л. 1–10; д. 19, л. 1–7; и др.

1904 г. архиепископ Иркутский и Верхотурский Тихон¹.

Значительная часть информации о «мире Божьем» (природе и обществе) проникала в сибирскую деревню по-прежнему в устном виде при общении с чиновниками и сельской интеллигенцией, мастерами на предприятиях обрабатывающей промышленности, отставными солдатами, с «хозяевами» людьми – паломниками, отходниками, бродягами, с местными и разъездными торговцами, переселенцами и ссыльными, горожанами-дачниками в пригородных местах и т. д.

Информация в той или иной степени была вовлечена в процесс социализации либо как материал для воспроизводства программ социализирующего поведения, либо как составная часть передаваемого от поколения к поколению общественного опыта и знаний. Сами сибиряки в основной массе осознавали скудность информационной базы «деревенской педагогики» в новых условиях – в обстановке модернизации общества, и стремились ее пополнять, но возможности для этого были небогатые. Этнограф А. А. Макаренко рассказывает о хорошо известных ему крестьянах Енисейской губернии (1913 г.): «”Чево мы знаем? Живем в лесу, молимся колесу!” – говорят они с глубокой иронией и затаенной обидой на порядки, обрекающие их на умственный застой и невежество»². Сходным было положение и в прочих местностях Сибири.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ. «Не унижать и не до небес возвышать...»

Подводя итоги конкретно-исторической характеристики тех объективных условий, в которых крестьянство Сибири осуществляло возобновление своих поколений во второй половине XIX – начале XX вв., можно сказать следующее. Были правы те проницательные современники описываемых событий и процессов, которые говорили: «Вообще настоящее время является для сельского населения, так сказать, переходным, потому что прежние условия жизни нарушены, а к новым население еще не применилось»³. Природно-географические, социальные и культурно-информационные факторы в целом не благоприятствовали в это время укреплению брака и семьи, хорошему здоровью и высокой продолжительности жизни населения сибирских деревень. Объективные причины затрудняли также оптимизацию миграционного поведения переселенцев. Развитие рыночных

¹ РГИА, ф. 796, оп. 442, д. 2028, л. 12.

² Макаренко А. А. Сибирский народный календарь. 2-е изд. Новосибирск, 1993. С. 23. См. также: ГАИО, ф. 197, оп. 1, д. 6, л. 60, 72, 132; ГАТО, ф. 3, оп. 2, д. 3635, л. 5; д. 6982, л. 86; РГИА, ф. 733, оп. 183, д. 337, л. 13.

³ Труды местных Комитетов о нуждах сельскохозяйственной промышленности. СПб., 1903. Т. 55. С. 1. См. также: Кауфман А. А. Общинные порядки восточных волостей Томского окр. и северо-западной части Мариинского окр. // Алтайский сборник. Томск, 1894. Вып. 1. С. 91; Суханов И. И.

(капиталистических) отношений и сопутствующие ему изменения в области экологии и экономики, демографии, политики, права, культуры и информации со временем несколько улучшали ситуацию, но одновременно в условиях сохранения феодальных пережитков проявлялись и кризисные явления: истребление лесов и загрязнение водоемов, слабые колонизационные возможности мигрантов, деревенское пьянство, слабая восприимчивость крестьян к новациям в медико-санитарном быту и др.

Относительно успешное возобновление населения в такой обстановке могло осуществляться только благодаря очень высокой брачности и рождаемости, устойчивости демографической структуры домохозяйства. Культурологические, правовые и демографические условия в основном были способны обеспечить опережающие темпы прокреации и прирост населения, столь необходимые на окраине, но только путем неоправданно быстрой замены одних поколений другими, а также за счет усиления переселенческого движения в Сибирь. В условиях Первой мировой войны возможности расширенного воспроизводства населения Сибири, как и страны в целом, были поставлены под угрозу.

Объективная ситуация изучаемой эпохи оставляла сравнительно мало возможностей для свободы выбора в области демографического поведения, заставляя большинство крестьян исповедовать принципы: «Не так живи, как хочется, а так, как Бог велит» (или: «как придется», г. е. как заставляют обстоятельства); «Общество – не осиновый кол, его не скоро сломишь»; «Богатый как хочет, а бедный как сможет»¹. Однако, как и в любое другое время, семейное состояние, здоровье, другие демографические характеристики конкретного человека в большей или меньшей степени зависели от его индивидуальных особенностей, склонностей и привычек, стиля жизни в целом. Субъективные факторы физического воспроизводства населения также должны быть приняты во внимание исследователями, тем более, что их значение при капитализме возрастало.

Условия, в которых происходила деятельность крестьянства по социализации подрастающих поколений, способствовали сохранению высокоэффективных ранее, но по мере развития капитализма постепенно устаревавших традиционных форм социализации преимущественно в рамках семейного домохозяйства и сельского сообщества. На эти формы ориентировались русская народная педагогика и обычное право крестьян изучаемой эпохи – практические руководства к действию людей в изучаемых сферах. В то же время развивались тенденции, затруднявшие функционирование традиционной системы: начиналась модернизация сельскохозяйственного производства, социальное разложение крестьянства

Тобольские письма // ВО. 1899. 20 февраля; и др.

¹ АИЭА, ф. ОЛЕАЭ, д. 344, л. 3; д. 345, л. 3, 13; Кузнецов Е. Пословицы и поговорки жителей

зашло уже достаточно глубоко, быстро росло переселенческое движение, а с ним – перемешивание относительно однородного до сих пор в социокультурном отношении населения. Учащались семейные разделы крупных домохозяйств – многопоколенных, с боковыми линиями родства и свойства, что привело уже в середине XIX в. к преобладанию сравнительно небольших двухпоколенных ячеек, состоящих только из родителей и детей.

При таких обстоятельствах закономерными явлениями были дополнение и даже частичная замена семьи и соседского сообщества специальными образовательными, воспитательными и пенитенциарными институтами, среди которых наибольшее развитие получили общеобразовательные начальные школы. Сеть таких институтов в сельской местности Сибири в изучаемую эпоху только начинала разворачиваться и не могла справиться с растущим объемом своих обязанностей. Политика центральных и местных органов власти, церковной администрации не смогла обеспечить эффективное развитие сети общеобразовательных, специальных и просветительных учреждений, хотя был налицо их прогресс. Постепенно улучшалась информационная база процесса социализации детей и молодежи: росло количество и улучшалось качество доступной крестьянам учебной, духовно-нравственной, художественной и специальной научно-популярной литературы. Но ее состояние также вряд ли могло обеспечить успешное становление современной (рациональной) системы социализации.

Воспитательная и образовательная деятельность сибирских крестьян происходила в трудных условиях начальной стадии реорганизации и модернизации всей общественной системы, ведь процессы эти сочетались с элементами социальной дезорганизации¹. Поэтому все большее значение приобретали усилия сельского сообщества по профилактике и пресечению отклоняющегося поведения части молодежи: хулиганства, пьянства и т. д.

Таким образом, изучение конкретных условий воспроизводства крестьянских поколений в Сибири досоветского периода заставило нас придти к выводам, которые могут способствовать преодолению явственно проявившегося в последние годы противостояния двух односторонних тенденций: а) высокомерно-элитарного показа лишь темных сторон и отрицательных явлений «идиотизма деревенской жизни»; б) ностальгически-почвеннической идеализации культурных достижений русской «деревни, которую мы потеряли». Мудрый пример подает историкам – исследователям и публицистам – наш знаменитый земляк-сибиряк, писатель В. П. Астафьев. Рассказывая в книге «Последний поклон» «о своих односельчанах, о бабушке и дедушке и прочей родне», он старался «не особо-то унижать и

Тобольского окр. // ТобГВ. 1866. 3 декабря; Попов Т. Слобода Такмыцкая // Там же. 23 апреля.

¹ Подробнее см.: Зверев В. А. О начальном этапе модернизации и дезорганизации образа жизни восточнославянского населения Сибири // Аборигены Сибири: Проблемы изучения исчезающих языков и культур. Новосибирск, 1995. Т. 2. С. 117–120.

не до небес возвышать их словом»¹. Они интересны ему и любимы им такими, какими являлись на самом деле в оболочке повседневного быта, еще сохранявшего в годы детства Астафьева (1920–1930-е) многие свои «старопрежние» черты.

ТЕМЫ КУРСОВЫХ И ДИПЛОМНЫХ СОЧИНЕНИЙ СТУДЕНТОВ

Особенности воспроизводства населения в среде сибирского казачества (вторая половина XIX – начало XX вв.). (То же – о среде забайкальского казачества, крестьян-старообрядцев на Алтае и в Забайкалье, ссыльнопоселенцев в Восточной Сибири, крестьян-новоселов, жителей различных местностей и т. д.).

Условия и факторы хозяйственной деятельности русского крестьянства Сибири во второй половине XIX – начале XX в. (То же – о других сферах образа жизни: общественной активности, познавательной активности, общении; о различных отраслях хозяйственной деятельности: земледелии, животноводстве, обрабатывающих и добывающих промыслах и т. д.).

Роль православной религии и церкви в регулировании процесса воспроизводства сельского населения Сибири (вторая половина XIX – начало XX вв.). (То же – о роли прочих факторов: социального разложения крестьянства, его пауперизации, традиций, обычаев и обрядов, менталитета, санитарно-гигиенической, народно-медицинской, народно-педагогической, этико-нормативной, обычно-правовой культуры, межэтнических контактов, городской культуры, общевоинской и казачьей военной службы, «сухого закона» 1914–1925 гг.).

Статистико-экономические обследования крестьянских хозяйств и сельского быта как источник изучения условий воспроизводства населения Сибири во второй половине XIX – начале XX вв. (То же – о других видах источников: законодательных актах, делопроизводственных материалах, данных демографических и школьных переписей, мемуарах, периодических изданиях, этнографических, географических, медико-топографических описаниях, художественной литературе и публицистике, русском фольклоре).

Вклад А. П. Щапова в изучение условий и особенностей воспроизводства населения Сибири досоветского периода. (То же – о вкладе Н. А. Кострова, А. А. Макаренко, М. В. Красноженовой, Г. С. Виноградова, В. Я. Нагнибеды, М. Н. Мельникова, М. М. Громыко, Н. А. Миненко и других ученых).

Вклад сибирских литераторов в осмысление условий и особенностей возобновления

¹ Астафьев В. П. Последний поклон: Повесть. Изд. испр. и доп. Красноярск, 1994. Т. 1. С. 4.

поколений в селениях Сибири второй половины XIX – первой трети XX вв. (Возможны специальные работы о М. В. Загоскине, Г. Д. Гребенщикове, В. П. Астафьеве и др.).

ВОПРОСЫ И ЗАДАНИЯ ДЛЯ САМОСТОЯТЕЛЬНОЙ РАБОТЫ

Введение

1. Какие современные процессы демографического и социокультурного характера обусловили повышение общественного и научного интереса к истории воспроизводства населения в крестьянской и казачьей среде?

2. Дайте внешний и внутренние анализ источников изучения педагогических аспектов воспроизводства населения, помещенных в книге «Красен человек ученьем: Материалы о воспитании и образовании детей в селениях Сибири (конец XIX – начало XX вв.)» (Новосибирск, 1995).

3. По книге В. А. Зверева «Дети – отцам замена: Воспроизводство сельского населения Сибири (1861–1917 гг.)» (Новосибирск, 1993) выделите основные понятия, употребляемые при изучении процессов и деятельностных аспектов воспроизводства. Установите место воспроизводства населения в образе жизни крестьянства.

4. По текущему указателю литературы «История Сибири и Дальнего Востока» составьте библиографический список новейших исследований по тематике спецкурса и смежным темам.

Глава 1

1. По энциклопедическим словарям Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона, Товарищества братьев А. и И. Гранат и К⁰, Сибирской советской энциклопедии, Большой советской энциклопедии, по географической литературе выделите основные черты природы и климата Сибири, отличающие ее от других регионов России. Насколько однородны эти условия? По каким природно-климатическим параметрам Сибирь близка иным регионам?

2. Какую роль играли природно-климатические факторы в сложении антропологического типа русских сибиряков? При ответе используйте данные книги «Русские старожилы Сибири: Историко-антропологический очерк» (М., 1973).

Глава 2

1. Выделите основные направления влияния социального разложения крестьянства на его демографическое и социализирующее поведение (используйте также книгу: Зверев В. А. Семейное крестьянское домохозяйство в Сибири эпохи капитализма. Новосибирск, 1991).

2. В книге Л. М. Горюшкина «Экономическое развитие Сибири в конце XIX – начале XX вв.» (Новосибирск, 1989) дается периодизация социально-экономической истории региона. При каких условиях можно использовать эту периодизацию для изучения процессов воспроизводства населения?

Глава 3

1. Дайте анализ «Материалов для изучения экономического быта государственных крестьян и инородцев Западной Сибири» (СПб., 1888–1898. Вып. 1–22) с точки зрения возможности их использования при исследовании демографической ситуации на современной территории Новосибирской, Кемеровской, Курганской, Омской, Томской, Тюменской областей во второй половине XIX в.

2. Найдите в настоящей книге примеры применения типологических, факторных или структурных группировок, построения динамических рядов, использования иных математико-статистических методов. См. также: Славко Т. И. Математико-статистические методы в исторических исследованиях. М., 1981.

Глава 4

1. Дайте внешний и внутренний анализ одного из тех законодательных актов, которыми российское государство регулировало брачное поведение населения. См.: Сборник законов, распоряжений и разъяснений о браке и разводе / Сост. В. К. Мордвинов. 2-е изд., доп. и испр. М., 1901.

2. Приведите два-три примера влияния политических событий и процессов на воспроизводство сельского населения Сибири во второй половине XIX – начале XX вв.

Глава 5

1. По материалам санитарно-гигиенического обследования селений Томского округа (СМЖ. 1928. № 5) определите сильные и слабые стороны санитарно-гигиенической культуры местного крестьянства. То же самое можно сделать по другим местностям Сибири, используя источник: СМЖ. 1926–1930.

2. В чем вы видите специфику конкретно-исторического, этнологического и культурологического подхода при изучении культурологических факторов воспроизводства населения?

Глава 6

1. Проанализируйте анкетную программу А. С. Пругавина «Программа для собирания

сведений о том, что читает народ и как он относится к школе и книге» (Русская мысль. 1887. № 11) с точки зрения возможности изучения на ее основе способов поступления в селения Сибири печатной литературы.

2. Определите связь темы «Информационные условия воспроизводства населения Сибири во второй половине XIX – начале XX вв.» с разработанной в Государственной публичной научно-технической библиотеке СО РАН программой коллективной монографии. См.: Книжное дело Сибири и Дальнего Востока (80-е гг. XVIII в. – октябрь 1917 г.): План-проспект монографии. Новосибирск, 1991.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АРГО – Архив Русского Географического общества

АИЭА – Институт этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая РАН, научный архив

ВО – «Восточное обозрение», газета (СПб., Иркутск)

ВСОРГО – Восточно-Сибирский отдел РГО

ГАИО – Государственный архив Иркутской области

ГАКК – Государственный архив Красноярского края

ГАНО – Государственный архив Новосибирской области

ГАТО – Государственный архив Томской области

ГАЧО – Государственный архив Читинской области

ЗСОСОРГО – Западно-Сибирский отдел РГО

ИОЦДНИ – Иркутский областной центр документации новейшей истории

ККМ – Красноярский краевой краеведческий музей, научный архив

НГПУ – Новосибирский государственный педагогический университет, кафедра отечественной истории, коллекция материалов по истории Сибири

ОЛЕАЭ – Общество любителей естествознания, антропологии и этнографии при Московском университете

ОПИ ГИМ – Государственный Исторический музей, отдел письменных источников

ОР РГБ – Российская государственная библиотека, отдел рукописей

РГВИА – Российский государственный военно-исторический архив

РГИА – Российский государственный исторический архив

РГО – Русское Географическое общество

СМЖ – «Сибирский медицинский журнал» (Новосибирск)

СОСОРГО – Сибирский отдел РГО

СЭ – «Советская этнография», журнал (Москва)

ТГВ – «Томские губернские ведомости», газета (Томск)

ТобГВ – «Тобольские губернские ведомости», газета (Тобольск)

ТФ ГАТюмО – Государственный архив Тюменской области, Тобольский филиал

ЦХАФАК – Центр хранения архивных фондов Алтайского края